



# ВЕРА ЧИРКОВА



*Свадьба отменяется*

Книга первая

**СМОТРИНЫ**

**Annotation**

Как поступить молодому герцогу, если дядя-король требует немедленно жениться, причём на совершенно незнакомой и безразличной его светлости девушке?! Той, кого жених выберет среди прибывших на смотрины принцесс, графинь и ханских дочерей? Нужно ли сопротивляться воле короля или попытаться обмануть всех, придумав свою собственную, увлекательную и опасную игру? В которой, как выяснится очень скоро, играть герцогу и его друзьям придётся против могущественных и таинственных сил, давно решивших его судьбу, вплетя её в запутанный узор своей безжалостной интриги.

---

---

# **Вера Чиркова**

## **Свадьба отменяется. Книга первая. Смотрины**

Иллюстрация на переплете *А. Дубовика*

© Чиркова В., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

– Никогда больше даже не начинай об этом разговор!

– А я пока и начатый не закончил, – со спокойной ехидцей констатировал крепкий моложавый мужчина с едва тронутыми первой изморозью седины висками и, небрежно дёрнув шнур звонка, негромко приказал: – Чаю!

Из соседней комнаты ловко просочился доверенный секретарь с серебряным подносом, на котором исходили душистым паром две чашечки тончайшего богнисского фарфора, неслышно заменил остывший напиток и так же молча выскользнул прочь.

– Зато закончил я. И не собираюсь в сотый раз говорить тебе «нет!» – с непреклонной решимостью отрезал его собеседник, резко отодвигая чашку с нетронутым напитком.

Ему было на вид не больше двадцати семи, совсем юный возраст по меркам мира, где и в сто пятьдесят мужчина вполне может уговорить жёнушку на малыша, однако твёрдо сжатые красиво очерченные губы и холодный взгляд тёмно-серых глаз выдавали окончательно сложившийся характер самостоятельного мужчины.

– Значит, собираешься сказать «да»?! – подловил племянника Багрант.

Вернее, его величество Багрант Теорид Кайгарский.

– Дядя, – голос племянника стал ледяным и бесцветным, – тебе вовсе не к лицу вести себя как шуту на празднике весны. Кроме того, ты, кажется, забыл, что мой отец никогда не одобрил бы таких методов. А ведь именно ты клялся ему никогда и ни к чему меня не принуждать!

– Дорд, – устало пробормотал король, разом теряя наигранное оживление, – судя по тому, что ты осмелился упрекнуть меня данным твоему отцу обещанием, я действительно разозлил тебя до крайности. И потому прошу прощения... но лишь за желание договориться по-хорошему. Видят боги... не хотелось выливать на тебя всю ту грязь, в которой по долгу своего положения приходится копаться мне. Вон там на столе, в шкатулке маленький ключик... открой мой сейф и возьми верхнюю связку свитков. Читать можешь тут... Я пойду, навещу своих питомцев. Через час вернусь, и мы договорим.

Багрант Теорид неспешно допил чай, не обращая внимания на настороженный взгляд племянника, легко поднялся с кресла и вышел через балконную дверь, широко распахнутую по причине необыкновенно погожего денька.

Дорданд проводил его задумчивым взглядом прищуренных глаз и нехотя встал. Он чувствовал, что ничего хорошего в дядиных свитках не увидит. Тогда к чему торопиться? Неприятности нужно держать от себя подальше, столько, сколько возможно. Тем более эту дурацкую свадьбу, придуманную его величеством. У него в жизни и так хватает ограничений... Зачем ему ещё одно?

Обнаружить свитки, про которые говорил дядя, оказалось довольно легко, кроме них в маленьком сейфе лежала лишь пара роскошно оформленных фолиантов. Один с законами Эквитании, второй содержал правила придворного этикета, выучить которые у дяди никогда не хватало терпения, вот и держал том под рукой.

Дорд вернулся на место и не спеша развязал стягивающий свитки шнурок, потом взял в одну руку первый свиток, в другую – чашку со слегка остывшим чаем: пить слишком горячее он никогда не любил. И не столько потому, что герцог считал это очень вредным для здоровья, сколько от решимости характера, торопящего проглотить любой напиток махом. А

вот с крутым кипятком такое не проходило, и Дорду не раз случалось обжигать язык, пока не взял за правило давать чаю немного остыть.

Однако первые же строки доносов, написанные сухим, официальным языком, каким пишут рапорты только шпионы и военные, заставили герцога сначала забыть про чай, а потом и вовсе отставить чашку в сторону. Прочитанное было достаточно неожиданно и серьёзно, чтобы отбить всякий аппетит на несколько дней. Юный герцог до этого даже не подозревал, что начались свалившиеся на него неприятности вовсе не сейчас, а почти тридцать лет назад. В тот самый день, когда его отец одновременно разорвал помолвку с принцессой соседнего Имганта и отказался от трона в пользу младшего брата, оставив за собой лишь небольшое Анримское герцогство, расположенное под самыми горами и не имевшее для соседних стран никакого стратегического значения.

И проделал это лишь ради женитьбы на девушке недостаточно знатного для короля происхождения и совершенно невыгодного для королевства положения. Попросту на дочери одного из тех обедневших аристократов, которых так любят звать на торжественные семейные мероприятия купцы и которым они же так не любят давать в долг. Впрочем, потеря королевского трона никогда не удручала Дорданда, он ещё лет в тринадцать сообразил, как повернулись бы события, если бы отец женился на другой женщине, и не весной, а осенью, как намечалось ранее. Судя по утверждению учителя биологии, в таком случае его самого и на свете никогда бы не было, и за этот дар Дорд простил отцу измену статуса. К тому же обязанностей и обязательств у герцога хватало: временами он с удовольствием поменялся бы местами с Эртрайтом, своим двоюродным братом, бывшим лишь на три года его моложе и в неисчислимо количество раз беднее. И потому не имевшего абсолютно никаких обязанностей.

Что, впрочем, совершенно не мешало парню быть настолько открытым и обаятельным, что его любили абсолютно всё: от добродушных кухарок до слегка сумасбродного и рассеянного старичка магистра. Нашедшего, кстати, в Эртрайте какие-то способности и пытавшегося заставить герцогского кузена и бессменного участника всех его детских шалостей серьёзно учиться магии.

И всё в их жизни было замечательно... до сегодняшнего дня... вернее, до середины лета, ведь именно тогда король впервые заикнулся о необходимости женитьбы. Как Дорданд теперь понимает, именно тогда дядя получил первый из доносов, потому и начал теперь эти осторожные и бесполезные пока уговоры. Оказывается, Имгант не оставил надежд на объединение с Эквитанией и теперь настойчиво предлагал королю Багранту Теориду Кайгарскому двойной союз. Недавно отпраздновавшая совершеннолетие принцесса Имганта предназначалась Дорданду, а её брат и наследник предлагал свою мозолистую руку заядлого охотника и дуэлянта юной Онгелии – старшей из дочерей Багранта, но не старшей из его детей.

И если эти свадьбы состоятся, то за жизнь и здоровье наследника Эквитании никто из подданных Багранта не даст и потертого медяка.

Неудивительно, что дядя так забеспокоился. Впрочем, он вовсе не заставлял Дорданда немедленно жениться на принцессе Имганта – как раз наоборот, предлагал выбрать невесту из любой другой страны, тогда и помолвка Онгелии может со временем расстроиться. В конце концов, ей пока всего четырнадцать.

И всё же самое неприятное было вовсе не в этом. Оказывается, королева Имганта вместе с советниками и магами опутали Эквитанию целой сетью интриг и сумели внедрить

своих агентов не только в штаб армии и полицейское управление. Всего несколько дней назад был пойман на горячем секретарь одного из ближайших советников Багранта.

– Прочёл? – И почему герцогу показалось, будто дядя пришёл слишком рано?

– А ты... не мог бы немного потянуть время? – даже не надеясь на положительный ответ, осторожно намекнул Дорд.

– И так уже больше года тяну... сам знаешь, насколько мы от них зависим. Все торговые пути на север и восток идут через Имгант, гильдия купцов уже жалуется... что снова повышена плата за проезд через мосты и городские ворота.

– Но если я женюсь... заметь, это только предположение, – сразу предупредил герцог, – не начнут ли люди Хисланда охотиться за моей семьёй? Насколько мне известно, именно советник рьяно помогает Аннигелл расширять границы королевства.

– Я тут внимательно изучил этикет и законы Имганта, после свадьбы ты станешь им неинтересен – имгантские принцы и принцессы не имеют права жениться или выходить замуж за вдовцов. Этот закон, которым когда-то успешно воспользовался твой отец, сработает и с тобой. И не смотри на меня как на зверя, ты даже не представляешь, какую кропотливую подготовительную работу провели мои люди. Все кандидатки как одна красивы, молоды и образованны... тебе остаётся только выбрать.

– А принцесса Имганта... вернее, её матушка, не догадаются о наших намерениях? Или ты надеешься, что тебе удастся провести это мероприятие втайне от их шпионов?

– Вот это и есть самое плохое... о чём я тебе пока не сказал. Разумеется, мы не смогли обойти их разведку и получили письменную просьбу королевы почти сразу, как только определили место для смотрин.

– Смотрины? – Тренированная выдержка на миг изменила герцогу. – Каких ещё смотрины, дядя?

– Успокойся... так я условно называю мероприятие знакомства с принцессами и девушками знатных родов. Внешне всё очень благопристойно: ты отправишься в обычную осеннюю поездку на воды... лекари найдут, от чего тебя поить арзамом. – Теперь, когда несговорчивость племянника поколебалась, его величество готов был проявить необычайные для него терпение и кротость. – Ты будешь жить в моем дворце и устраивать вечера и балы... чтобы не скучать. Можешь взять с собой несколько холостых друзей. Только предупреди о необходимости вести себя достойно. Как ни печально, принцесса Имганта тоже придет... в письме сказано, что лекари настоятельно рекомендуют ей именно наши воды. Но дворец ей предоставят в другом конце Дивноводска, поэтому встречаться вы будете только на званых обедах. Это всё, что я пока смог сделать. Зато за время твоего отсутствия я постараюсь разобраться с основными проблемами... не хочу ничего заранее обещать, но всё возможно.

Клетку пытается позолотить, насмешливо фыркнул герцог, легче всего пообещать, будто выбор невесты – всего лишь отвлекающий манёвр. А потом развести руками: мол, ничего нельзя было поделать. Впрочем, он и сам не беззубый щенок и постарается это доказать нахальным претенденткам на его руку и свободу. Главное тут, безусловно, свобода. Руку он может на ночь одолжить любой из этих девиц, вместе со всем остальным, разумеется.

– Сколько у меня времени в запасе? – не тратя напрасно слов на многозначительные, но пустые рассуждения, напрямик спросил Дорд.

– Почти неделя. Принцессы и знатные девицы, желающие отведать дивных вод, начнут прибывать к первым числам десятой луны.

– Маловато... – недовольно пробурчал герцог и едва заметно усмехнулся пришедшей ему

в голову мысли. – Впрочем, дороги осенью обычно непредсказуемы... стало быть, я успею съездить домой. Пойду скажу... пусть оседлают Грома.

– Его уже оседлали. – Вызванный звонком секретарь, как обычно, бесшумно возник на пороге. – А ваш камердинер собрал сумки. Карета и охрана тоже готовы.

«Ну, дядя! – искренне восхитился Дорд. – Всё предусмотрел. И раз в моём согласии тоже был заранее уверен, зачем устраивал этот спектакль?»

– Лошадей распрячь нетрудно, – ответил на незаданный вопрос догадливый король, – а в том, что ты захочешь навестить свой замок и прихватить с собой Эртрайта и магистра Гизелиуса, я как-то не сомневался.

\* \* \*

Высокие башни Анримского замка показались только из-за последнего поворота, и сердце Дорда сразу забилось сильнее. Он искренне любил свой дом, любил дикие скалы, между которых нёсся бешеный ледяной Бирог, любил засыпать и просыпаться под непрекращающийся шум водопада, над которым был переброшен пролет бревенчатого подъёмного моста. Единственная дорога вела в замок именно по нему, и отец обычно шутил, что достаточно поднять мост, и никто никогда не сумеет захватить Анрим. И это была именно шутка, потому как захватывать Анрим никто и не собирался.

Дорданд вообще лишь в последнее время начал догадываться, за какие достоинства отец выбрал из всех королевских имений это герцогство. Да просто на него не стал бы покушаться ни один безумец. Затратить невероятные усилия на осаду и получить в почти невероятном случае победы отдалённую от всех стратегических путей и самых доходных местностей каменную громаду не решился бы ни один полководец.

Молодой герцог помнил подслушанный в детстве разговор, когда дядя уговаривал отца принять под своё правление одну из южных, богатых и оживленных областей. Однако герцог Анримский в тот раз отшутился, заявив, что желает спать спокойно и иметь возможность в самом крайнем случае предоставить брату надёжное убежище. Багрант пылко объявил, что такого случая не будет... и юный Дорд был тогда с ним полностью согласен.

А вот теперь всецело осознал правоту отца... и невероятно сожалел, что никогда уже не будет возможности сказать это, глядя тому прямо в глаза. Ему и матери. Острая боль полоснула по сердцу, и Дорд поторопился отправить ранящие воспоминания как можно дальше... в те неприкосновенные уголки памяти, где каждый хранит самые горькие и обидные моменты, случившиеся в его жизни.

\* \* \*

– Ну вот зачем ты так рано вернулся?! – ещё в воротах встретил Дорда нарочито недовольный голос Райта. – Я немного не успел доесть слоеные пирожки с гусятиной.

Но в глазах кузена вперемишку с тревогой мелькала искрометная радость, наполняя сердце герцога теплом. И даже назойливые, тяжелые мысли о предстоящих смотрах отступили, растаяли в сиянии радостных улыбок, встречающих Дорда на каждом шагу. В замке молодого хозяина любили и искренне жалели: шутка ли, в одночасье остаться сиротой!

И хотя вслух старались ничего не говорить, не желая без конца беречь и так кровоточащую рану, зато стремились всячески угодить. Да он и заслуживал, дай боги всякому таких хозяев! Никогда даже голос не повысил, во всех ссорах и жалобах разбирался лично и судил виновных по справедливости, но без жестокости.

Впрочем, и Дорд не представлял, как иначе обращаться с людьми, чьи отцы и матери много лет верно служили ещё его отцу.

– Я давно подозревал, что для тебя какие-то пироги с гусятиной дорожке брата. – Герцог с наигранной грустью поднял глаза к небу, но не выдержал, соскочил с лошади и на миг крепко стиснул плечи Эртрайта в дружеских объятьях. – Ну, пошли, взглянем, осталось там мне червячка заморить? Линот, следом карета едет, не поднимайте мост.

– Да мы видели, – весело признался Райт. – Как только кривой Том углядел на нижней дороге всадников, все успели побывать на башне. А тётушка Мирит сразу в подвал полезла за готовым тестом и начинкой. А зачем тебе карета? Да ещё и королевская?

– Вот умоюсь, поем и расскажу, – загадочно хмыкнул герцог, но по тёмной тени, скользнувшей по его лицу, кузен сразу сообразил, что новости не такие уж радостные.

– Но ведь тебе не обязательно жениться на первой попавшейся? – потягивая молодое вино, размышлял Эртрайт вслух, когда блюдо с пирожками почти опустело, да и прочих закусок заметно поубавилось. – Раз есть возможность приглядеться... выбрать, наконец.

– Райт, я слишком хорошо знаю... какой должна быть семейная жизнь, – пожалуй, впервые за все годы герцог так откровенно говорил с кузеном на эту тему, – и на меньшее никогда не соглашусь. Мои родители пошли на всё... чтобы быть счастливыми, ведь не только отец принес в жертву любви трон и родной замок. Матери тоже пришлось несладко: её пытались убить, подкупить, запугать... Так вот... я в этом пошёл в отца и ради настоящей любви смогу пожертвовать всем – осталось лишь найти ту, из-за кого захотелось бы пойти на жертвы. Пока... как ты отлично знаешь, мне такая не встретилась. И я очень сомневаюсь, что встретится в дядином замке на водах. Ты же видел всех этих богатых невест... спесивы, крикливы и глупы... как индюшки.

– Знаешь... раз уж мы говорим так откровенно... – произнёс Эртрайт и поднял на кузена совершенно трезвый взгляд, – мне кажется, ты до сих пор и не пытался их рассмотреть. Ведь каждую девицу, подошедшую ближе, чем на два шага, ты сразу поливаешь таким презрительным и холодным взглядом, что у бедняжек губы дрожать начинают.

– И совсем не каждую... – чисто из чувства противоречия пробурчал Дорд, – иногда я совсем не против...

– Это «иногда» бывает только в Подгорье, в заведении мадам Стефы, – едко откликнулся Райт, – и потому не считается. Там все мы смелые... а вот на осеннем балу, две недели назад...

– Не нужно про бал, думай лучше о будущем, – торопливо перебил кузена герцог, и сам прекрасно знавший, что на том балу вёл себя не самым достойным образом.

Так не стоило показывать ему заранее длиннющий список, где отметились все прелестницы, желающие потанцевать с молодым хозяином этих мест. От такого «милого» сюрприза у кого угодно настроение испортится, стоит лишь вообразить предстоящие танцы с огромной толпой девиц от пятнадцати до тридцати пяти лет, вдобавок щедро политых разнообразными духами. Если бы это было в его власти, Дорд давно запретил бы девушкам пользоваться разными духами, причём в таком количестве. Ведь все эти запахи остаются на его парадном камзоле и, постепенно смешиваясь, к концу вечера образуют неопишущий



букет. В смысле – никто не сможет его описать и остаться при этом в здравом уме.

– А вот мне кажется, наше юное дарование минуту назад внесло очень здоровое предложение. – За разговором друзья почти забыли про третьего сотрапезника – магистра Гизелиуса.

– Кто, я?! – искренне изумился Райт, даже не заметивший, чтобы он вносил какое-то там предложение.

– Ну как же... – Магистр укоризненно вытаращил на своего ученика желтоватые глазки. – Ты же сказал – нужно хорошенько присмотреться и при этом позволить девице показать себя в естественной обстановке.

– Ну да... было что-то такое, – не совсем уверенно пробормотал кузен, – но ведь...

– И ты снова прав! – Маг многозначительно поднял вверх палец. – У него нет такой возможности! Следовательно, нам нужно её создать!

– Как это... создать? – невольно забеспокоился Дорданд, прекрасно осведомлённый о присущем магистру авантюризме. – Из чего создать?

– А вот из Райта и создадим... – В глазах мага заиграли хищные огоньки. – Очень удачно всё сошлось: и роста вы одинакового, и все твои привычки и тайны он знает... абсолютно беспримысленный вариант.

– Э-э! Учитель! Вы это о чем? – Не на шутку встревожился Райт. – Может... не нужно?

– Как это не нужно? – искренне возмутился Гизелиус. – Ты желаешь помочь брату или нет?

– Разумеется, желаю... только не понимаю...

– Зря я тебя называл сообразительным и перспективным, если ты собственное предложение до конца осознать не можешь. – В голосе мага звучало нетерпеливое пренебрежение. – Всё очень просто... на водах ты будешь изображать Дорданда, а он твоего камердинера. Вот тебя ему, к сожалению, не сыграть, не потянет. Значит, объявим, будто ты уехал погостить к родственникам, у тебя ведь куча тётушек, стало быть, можно не уточнять... к которой именно.

– А это ещё зачем?! – не понял герцог.

– Дорд, ты плохо слушал короля или чего-то недопонял?! Раз шпионы проникли даже в полицейское управление, не может быть, чтобы никого не подсунули к нам. Я сейчас же займусь тщательной проверкой, но выехать нам лучше как можно быстрее, – теперь старый магистр, обязанный отцу герцога жизнью, был на удивление серьёзен и категоричен.

\* \* \*

Райт уехал из замка почти сразу после обеда, ради конспирации. И ради неё же, проклятой, Дорд впервые за многие годы не провожал брата до поворота дороги. Да и вообще не провожал.

– Пусть все думают, будто вы поссорились насмерть, – безапелляционно заявил Гизелиус, взявшийся за организацию задуманного мероприятия со свойственным ему энтузиазмом.

И категорически запретил герцогу даже с башни вслед кузену посмотреть. Разумеется, Дорданд и не подумал бы так безоговорочно слушать старого чудака, если бы и сам не был уверен в его правоте. Сложив в уме некоторые факты, мелочи по сути, которым ранее не

придавал никакого значения, герцог с горечью в сердце признал, что оказался легкомысленнее магистра. В Анриме действительно завелась крыса, и принять это оказалось неожиданно больно. Все слуги жили в замке по многу лет и на судьбу не жаловались. Да и о чем сетовать, если живёшь на полном обеспечении, получаешь очень приличное жалованье, а кроме него, премии и подарки к праздникам и дням рождения?! Разве можно быть недовольным господами, которые относятся ко всем живущим в замке, как к дальним родственникам, и стараются по мере сил скрасить их существование вдали от городов?

И теперь мрачный герцог валялся на собственной постели прямо в сапогах, хотя раньше никогда себе такого не позволял, считая это неуважением к нелёгкому труду прачек и гладильщиц. А простодушные слуги ходили вокруг лорда на цыпочках, наивно считая, будто их хозяин так остро переживает ссору с кузеном.

Несколько ваз с жареными орешками, солёным миндалём и фруктами стояли на краю ложа, и Дорд по очереди совал в них руку, даже не замечая, что именно бросает в рот. Когда человека диким зверем грызёт нетерпение, ему абсолютно не до того, что грызёт он сам. Гизелиус уже пару часов бродил по замку с отрешённым видом, и никто, кроме хозяина, даже не догадывался – старичок вовсе не придумывает по обыкновению рецепт какого-то зелья, а шарит в головах домочадцев. Вернее, в содержимом их мозгов.

И когда магистр вдруг резко развернулся и торопливо засеменил в сторону центральной башни, в которой находились господские покои и его собственная спальня, ни у кого снова не возникло даже малейшего подозрения. Свои ментальные способности Гизелиус держал в строгом секрете и пользовался ими с большой осторожностью.

Да и была тому очень веская причина: когда-то, ещё в далёкой молодости, маг согласился провести незаконный сеанс прослушивания мыслей, и не столько необычайно щедрая оплата заставила его нарушить незыблемое правило, сколько искреннее сочувствие к клиентке, подозревавшей своего частенько не ночевавшего дома мужа в изменах. Однако дело обернулось совершенно неожиданной стороной: муж оказался не гулякой, а шпионом, причём очень хорошо защищённым от прослушивания. Разумеется, магически. И эта защита со всей мощи шарахнула по несчастному Гизелиусу, не нашедшему ничего лучше, чем прослушивать подозреваемого во время многолюдного приёма во дворце посла. Ну и, конечно, на том приёме инкогнито присутствовали магистры. И даже не один, а трое. Эквитанский и два иностранных. Все они одновременно засекли выброс энергии и ринулись на него как вороньё на падаль. В итоге шпиона поймали, мага успели спасти, но только от смерти. Безумца, преступившего кодекс магов, от суда объединённого совета по магическим нарушениям спасти невозможно.

Вот тогда и вмешался в дело отец Дорданда, молодой король Агранат Теорид Кайгарский, пославший в совет официальное заявление, что маг действовал по его тайному поручению и имел задание выследить шпиона. Но не сдержался, по молодости и неопытности применил недозволенный приём, так всё ведь от чрезмерного усердия да от уверенности в том, что поднадзорный граф шпионит против собственного королевства. Глава совета не стал ссориться с королём и отдал ему магистра под поручительство, а Гизелиус с тех пор искренне предан его семье.

– Ну? – Герцог резко дёрнулся навстречу вошедшему, нечаянно столкнул одну из ваз, и орешки крохотными мячиками запрыгали по паркету.

– Тсс! – плотнее прикрывая дверь, прижал палец к губам старик. – Всё не так просто.

– Заговор?! – неожиданно хриплым голосом осведомился Дорд.

– Не совсем. – Магистр неодобрительно покосился на творящееся в комнате безобразие и сделал витиеватый знак рукой.

Ваза медленно перевернулась и взлетела на столик, орехи так же неспешно поднялись с пола и стайкой потянулись в неё.

Гизелиус довольно кивнул и, фамильярно захватив с вазы персик, сел на покрытую мягким ковром широкую скамью.

– Ты помнишь, в прошлом году сын Шамма и Ренаты, который служит королевским гвардейцем в Гортвальде, женился? Так вот, его жена почти сразу понесла, и он привез её сюда... на свежий воздух, – магистр, как и Райт, имел разрешение обращаться к своему господину запросто и без зазрения совести им пользовался.

– Гадина... – процедил сквозь зубы герцог, сразу припомнив смазливую и шуструю девицу, пытавшуюся поначалу строить ему глазки.

Вот только Дорданд свято выполнял наказ отца – никогда не заводить шашни в собственном гнезде.

– Да нет, скорее просто падкая на деньги и удовольствия дурёха, – печально покачал седой головой магистр. – Её, как воробья на мякине, поймал на давно известную уловку опытный шпион и теперь шантажом заставляет писать подробные отчёты обо всём происходящем в Анриме. Письма она посылает обычной почтой своей матушке, а где-то в пути их перехватывает шпион. Это она точно знает – матушка жаловалась, что редко получает весточки. Одно меня порадовало... теперь шпионка действительно ждёт ребёнка, любит своего мужа... и очень боится разоблачения. Я думаю... следует её перевербовать, пусть пишет те новости, какие выгодны нам. Ты не мог бы позвать её сюда... и поговорить?

– Извини, но я слишком зол, – категорично отказался Дорд. – Позови к себе, тебе тоже не помешает уборка. Особенно в кабинете.

– Зачем ко мне?! – Глаза мага от возмущения стали вдвое больше обычного. – Я как раз заканчиваю важный эксперимент... Ни в коем случае.

С каких пор магистр начал обходить женщин стороной, особенно молодых, не ведал никто, но о том, что ему лучше змею ядовитую положить на соседнее кресло, чем посадить кокетливую женщину, знали все.

И молодой герцог не был исключением, поэтому проследил страдальческим взглядом за сбегавшим магом и дёрнул шнурок.

– Монрат... – мрачно приказал он вошедшему камердинеру, – позови сюда служанку, ту, новенькую. Я орехи рассыпал, не Ренату же заставлять?

Камердинер вытаращился на него то ли растерянno, то ли испуганно, и Дорданд только теперь заметил, как встрёпан и взволнован обычно невозмутимый слуга.

– В чём дело?!

– Так она... помирает ведь... Фира-то, я как раз магистра к ней позвал, – пролепетал бедняга.

– Как это помирает? А почему я не знаю, что творится в моем замке?

Герцог вскочил с постели и ринулся прочь. Вазы с объедками и скорлупой загрохотали по полу, и Монрат похвалил себя в душе за взятое ещё с незапамятных пор правило приносить в покои господина только серебряную посуду.

В людской столовой, отличающейся от господской только обивкой мебели и близостью к кухне, царила та самая тревожная суeta, когда все хотят помочь и никто не знает как.

– Выйдите все, – скомандовал герцог так резко, что сочувствующих и любопытных как

ведьминой метлой вымело.

– Принеси кипятка, я травы заварю, – оглянувшись на господина, магистр отослал стоявшую возле него Ренату, – да проверь, чтоб ключом кипело.

И когда расстроенная женщина убежала, тихо доложил:

– Защита на ней стояла, едва я мысли прочёл, заклинание и сработало. Редкое заклятье, дорогое. Не ниже магистра-ментальщика маг работал. Теперь Фире лучше... жить будет. А вот помнить... вряд ли. Если только очень яркие события... потом проверю.

– А те, кто её завербовал... почувствовали, что заклятье сработало? – насторожился Дорданд, пытаясь прикинуть, чем это может грозить замку и всему герцогству.

– Нет, не могли, слишком далеко мы даже от ближайших охотничьих избушек. Да если вдуматься, и не стали бы они посылать следить за шпионкой сильного мага, – не согласился магистр, осторожно поправляя подушку под бледной, как полотно, служанкой, теперь уже бывшей. И тут же разрушил последние надежды хозяина, уверенно заявив: – Но они и так догадаются, как только не получают очередного письма.

– А мы не можем написать вместо неё?

– Можем, но не будем. Наверняка были какие-то тайные знаки... теперь я жалею, что не полез глубже... Но в тот момент мне не хотелось её мучить... после ментального вмешательства голова кружится и тошнит.

– Кстати, – совсем не к месту вспомнил свою недавнюю мысль герцог, – а куда мы денем настоящего камердинера, Монрата?

– Тсс, всё вечером. – Заслышав скрип открывающейся двери, магистр начал раскладывать по столу пучки каких-то трав.

К своему охотничьему дому Дорданд со спутниками добрались уже в темноте. С выездом из замка задержались специально, не желая попадаться на глаза любопытным путникам и бродячим торговцам. Иначе не дадут отдохнуть как следует, толпой набегут с утра пораньше с просьбами и товарами.

В небольшом двухэтажном каменном домике, одиноко стоящем на опушке леса, постоянно никто не жил. И хотя отсюда до Подгорья, небольшого городка, одного из четырёх, расположенных на территории герцогства, оставалось всего несколько миль, можно было не волноваться за сохранность герцогского имущества. Магистр давным-давно поставил тут свою защиту и каждую весну подправлял и усиливал, поэтому любопытным охотникам и любителям чужого добра попасть внутрь не светило никаким способом. Только обладатель специального магического ключа мог безбоязненно дотронуться до калитки, прорезанной в высокой каменной ограде. В этот раз её отпирал сам магистр, и он же распахнул ворота для спутников и кареты.

И всё же они были не первыми гостями домика – из трубы шёл лёгкий дымок, почти незаметный на фоне звёздного ночного неба. Дорданд спрыгнул прямо на крыльцо и, оставив лошадь заботам соскочивших с запяток кареты слуг, дёрнул незапертую дверь.

Из дома дохнуло теплом и запахом свежесваренного грога, таким заманчивым после скачки по утреннему холодку. Несмотря на погожие деньки, подаренные осенью, ночами ощутимо холодало, а на рассвете иногда и подмораживало.

– Ну, наконец! – Эртрайт в простой рубашке и охотничьей безрукавке был совершенно не похож на того франта, каким его привык видеть герцог, и все же оставался самим собой – веселым и немного легкомысленным молодым человеком. – Я уж думал, вы напрямик к мадам Стефе поехали – хорошенько отогреться с дороги.

– Да магистр Гизелиус так рвался туда... – заметив краем глаза вошедшего в дом старичка, в тон ему посетовал Дорд, – но я отсоветовал... думаю, мадам ещё не забыла прошлого раза.

Оба довольно захихикали, вспомнив этот самый прошлый раз, когда магистру зачем-то срочно понадобился ученик и он поздно вечером заявился в Подгорье. Естественно, идти в заведение Гизелиус и не собирался, он просто отправил туда на поиски Райта фантома, придав ему собственный облик. Только не подумал, что первой на полупрозрачного старичка, плывущего сквозь стены, наткнётся сама мадам, топающая по своим делам. Никто из её подопечных и постоянных клиентов и предположить не мог, что Стефа умеет так пронзительно визжать. Ну а когда женщина так визжит, любому может прийти на ум только одно – пора делать ноги.

Вот и прыгали изо всех окон полуголые кавалеры и ловили не менее раздетых дам. А иногда и поболее. Им всем ещё повезло, что особняк Стефы имеет только один этаж, хотя и вознесённый на довольно высокий фундамент – в полуподвале расположен уютный кабачок, принадлежащий ей же. Потому сильнее всех пострадал сам Гизелиус, поджидавший ученика возле входа. Ни одна из полуголых жертв не удержалась от едкого высказывания по поводу таких действий магистра.

– Балаболы, – проворчал себе под нос Гизелиус, направляясь к лестнице на второй этаж, но, не дойдя пары шагов, остановился и мстительно напомнил: – Ну вот чего вы застряли на

проходе? Надеюсь, не забыли, что никто из слуг не должен видеть Райта?! Да и спиртного вам сегодня нельзя, иначе я не отвечаю за результат.

Друзья одновременно перестали ухмыляться, а Райт, ринувшийся наверх, в дальнюю спальню, едва заметно побледнел – он уже успел приложиться к своему кулинарному творению... правда, совсем чуточку...

– Небольшая доза может и не повлиять... будешь последним на очереди. Но больше ни капли... никто! Даже ужинать, я думаю, не стоит, сейчас всё приготовлю, и начнём, – бросил ему вслед магистр и важно потопал по ступеням наверх.

Слуги, вошедшие в дом с чёрного хода, после того как расседлали коней, напоили их и задали корма, были несказанно обрадованы предложением Дорда согреться горячим хмельным напитком. Правда, никто из них не догадывался, что магистр уже успел сыпануть туда какого-то загадочного снадобья из маленького фиала, но если бы и видели, то не придали тому никакого значения. Магистр частенько появлялся на кухне со своими травами, и после их добавления кушанья приобретали просто божественный вкус и аромат.

– Начнём с тебя, – изменил своё первоначальное решение магистр, сажая Эртрайта в кресло. – Мне нужен пример, чтобы никто не заподозрил подмены, долгосрочная иллюзия – дело тонкое. Выпей вот это.

– Яд? – пошутил Райт, принимая бокал и делая несколько пробных глотков.

– И яд в том числе, – невозмутимо кивнул магистр, – но и кроме него много разных компонентов. Мне нужно, чтобы ты абсолютно расслабился, но одновременно не раскис, иначе после закрепления иллюзии твои гримасы будут поистине ужасающими. Выпил? Приступаем. С этой минуты не говори ни слова, если будет неприятно или щекотно – терпи, не чихай, не чешись... зря я не добавил корней змеелистника, тогда не пришлось бы тебя об этом предупреждать... Впрочем, результат его применения крайне опасен: несколько лишних крупинок – и всё, простишь с так любимым заведением навсегда. Хотя... не поздно добавить и сейчас.

Эртрайт, услышав такое кощунственное замечание, вытаращился на магистра, изо всех сил пытаясь изобразить умоляющий взгляд, и с ужасом почувствовал, что уже не владеет собственным лицом.

– Отлично, – пробормотал бессердечный магистр, – подействовало. Теперь замри и не дыши... слишком напряжённо.

Дорд сидел рядом с кузеном, прекрасно понимая, как сильно от его таланта натурщика будет зависеть успех их затей. И все же не мог удержаться от любопытства, подглядывая за действиями Гизелиуса в висевшее за его спиной зеркало, обрамлённое простой рамой. Впрочем, сами действия, хотя и были ему абсолютно непонятны, особо интересными назвать язык не поворачивался. Беспрерывное махание руками под невнятное бормотание было похоже, на взгляд герцога, скорее на усыпляющее заклинание, чем на иллюзию, но магистру, разумеется, виднее. А вот постепенные перемены, происходящие с довольно примечательной внешностью Эртрайта, были безумно интересны.

Следить за тем, как пшеничные с золотом, выющиеся волосы кузена становятся каштановыми и прямыми, как чернеют брови и их линия меняется на насмешливо изломанную, как припухлые яркие губы становятся жёстче и тоньше, а скулы выше и резче... Что и говорить, зрелище было завораживающим. И в какой-то момент, когда Дорд не смог отличить одно отражение от другого, стало просто ошеломляющим. Герцог даже глазами по

очередь поморгал, желая убедиться, что изображение в зеркале не двоится.

– Фу, я должен немного передохнуть. – Магистр упал на стул и налил себе какого-то отвара из высокого графина зеленоватого стекла. – Извини... тебе не предлагаю, тут бодрящее.

– Ничего, я понимаю... – рассеянно кивнул Дорд и припомнил: – Так куда денем Монрата?

– А может... никуда не девать? – задумчиво протянул магистр. – Я тут подумал... не справиться тебе с работой слуги, ведь ты, небось, и понятия не имеешь, где они ночные горшки опорожняют и как моют, чтоб ландышем пахло?! Давай лучше сделаем тебя секретарём, так проще. Никто же не будет выпытывать, где ты взял секретаря, а если и найдётся особо настойчивый, так за три дня вполне можно сотню не очень грубых ответов придумать.

– А внешность? – почему-то этот вопрос очень интересовал герцога.

Нет, разумеется, он не собирается добиваться чьего-то внимания, но и стать откровенно непривлекательной личностью как-то не был готов. Тем более что это не карнавальная маска на один вечер, а его облик на всё время пребывания на водах.

– Немного сглажу твои черты... сменю цвет волос, проще на чёрный, ну и пару приметных особенностей добавлю или убегу... пожалуй, и все. Как давно замечено, люди больше всего доверяют тем, кто похож на них внешне... вот и подтвердишь это правило. Ну как?

– Ладно, – вздохнул украдкой герцог, осознав, что абсолютно не готов расширять свои познания о ночных горшках, – приступай.

– Ну, любуйся. – Примерно час спустя магистр наконец отодвинулся от герцога. – А вот эти амулеты никогда не снимать! И следи за речью... больше ты не герцог!

Гизелиус подал господину серебряную серьгу с агатом. Вторую, похожую, но из золота и с любимым Дордом черным жемчугом осторожно застегнул на мочке уха давно уснувшего Райта.

– Гизелиус, – встревожился герцог, внезапно сообразивший, что именно они натворили, – а что будем делать, если случится непредвиденное? Ну... очень плохое непредвиденное?

– Я уже всё продумал, – успокоил хозяина магистр, – приготовил документ, где сегодняшней обмен личинами представлен как шутка... богатым и свободным молодым дворянам свойственно шутить... у каждого из нас будет по копии, подписанной всеми. Они будут храниться в надёжных местах именно на такой, как ты говоришь, самый крайний случай.

– Спасибо, Гизелиус, ты снял камень с моего сердца, – смущённо пробормотал Дорданд, понимая, что отец никогда не поступил бы так опрометчиво.

– Такова моя обязанность. – Магистр беспечно пожал плечами и брызнул холодной водой на Эртрайта. – Идите спать, утром собирались выехать пораньше.

Новоиспечённый секретарь довольно фамильярно похлопал по плечу своего хозяина, но тот даже глаз не раскрыл, отнюдь не желая расставаться с тёплым местечком. Тогда Дорд решительно сдёрнул его с кресла и едким тоном осведомился, где милорд желает спать: под лестницей, вместе с мышками, или на коврик у кровати магистра?

– Эй, а это кто?! – отшатнулся Райт, заслышав чужой голос.

И ошеломлённо шлёпнулся назад в кресло, поняв, что и сам говорит как-то не так.

– Неужели у меня такой голос? – подозрительно нахмурившись, обернулся к магистру Дорд, озадаченный не меньше Райта.

– Именно такой, – безапелляционно сообщил Гизелиус бдительно уставившимся на него лордам, – люди никогда не узнают собственный голос, услышав со стороны. Поверьте мне, Райт сейчас говорит точь-в-точь как Дорд. Разница в другом: милорд никогда не смотрит так растерянно. У тебя три дня, ученик, чтоб научиться хоть немного подражать уверенному и твёрдому взгляду герцога.

– А мы не можем... представить, будто на водах он немного... как бы это сказать... разрешил себе расслабиться?! – неуверенно предложил Эртрайт, украдкой строя своему отражению в зеркале самые невероятные гримасы.

– Попробуй представь, – саркастически фыркнул Дорданд, – а я посмотрю.

– Кстати... а как его зовут? – попытнев с минуту, но так и не сумев представить такого невозможного поворота событий, решил сменить тему подложный герцог.

– Действительно, – обернулся к магистру Дорд. – А ты же обещал всё продумать?!

– Вот список. – Начиная понемногу раздражаться, магистр протянул клочок пергамента. – Выбирайте!

– Атан, Батан, Ватан, Гатан, Дитан... Какие-то собачьи клички! – Дорд недовольно поджал губы. – А ничего поизящнее не было? Мы вроде договаривались, что секретарь будет из знатной семьи?

– Тогда Ронофан или Моледикт. – Гизелиус пожал плечами и недвусмысленно указал гостям на дверь. – Можете подумать на досуге.

– Еще смешнее. – Внезапно Дорд понял, что изо всех мужских имен ему нравится именно то, которым он теперь называться не может, – своё собственное.

– Ты в этом облике немного похож на моего троюродного брата... – задумчиво бурчал Райт, первым топая по коридору – их комнаты были в другой стороне, – его зовут Сигизмунд...

– Издеваешься? – понял расстроенный потерей любимого имени герцог. – Так я ведь могу и передумать! Идём назад к магистру!

– Ну почему сразу – издеваюсь?! Просто пытаюсь натолкнуть тебя на мысль...

– А натолкнёшься сам, и не на мысль, а на мой кулак... – пригрозил Дорд, на самом деле никогда и пальцем не тронувший кузена.

Но вовсе не был он таким уж правильным и добрым, просто не мог после обстоятельств их первого знакомства. И тут ему пришла в голову замечательная мысль.

– Меня зовут Кайдинир, коротко Кайд, – торжественно объявил он кузену и важно прошествовал в собственную комнату.

А через миг выскочил оттуда с невероятно сердитым лицом и, отстранив изумлённого Райта от его собственной спальни, захлопнул перед ним дверь.

Эртрайт ошеломлённо постоял, соображая, что всё это означает, затем, так ни до чего и не додумавшись, осторожно заглянул в отвергнутое другом помещение.

На столе важно восседал полупрозрачный фантом Гизелиуса и держал в руках написанный огненными буквами пергамент.

– Здесь спит ГЕРЦОГ! – издевательски сообщала понятная только друзьям надпись.



Утро наступило как-то очень скоро, и Дорд чувствовал себя совершенно невыспавшимся, когда услышал мелодичный звонок, будивший гостей в охотничьем домике. Ещё не открыв глаза, милорд, напроць забыв спросонья, что спит в чужой комнате, попытался слезть с постели не в ту сторону. Стена очень убедительно ему об этом напомнила, а зеркало, в котором Дорд собирался разглядеть ушибленный лоб, испортило настроение ещё больше, выставив навстречу злое лицо чужого черноволосого мужчины.

От неожиданности мгновенно проснулось и сработало натренированное на внезапные атаки чувство самосохранения. Дорданд отпрыгнул от зеркала и схватился за кинжал, и лишь тут до него дошло, что никакого нападения не было. Герцог расстроился ещё больше, с чувством прорычал неподобающее его светлости простонародное выражение и отправился умываться.

В отличие от Эртрайта, обладавшего лёгким, уживчивым характером с примесью немалой доли легкомысленности и даже авантюризма, Дорд никогда ранее не был замечен в склонности к различного рода шуткам и розыгрышам. И теперь, решившись на эту не свойственную ему авантюру, никак не мог привыкнуть к мысли, что он уже не он и вообще – никто. Ожесточённо плеская в незнакомое лицо ледяную воду, герцог сердито проклинал всех знакомых и незнакомых правителей, мечтающих о присоединении чужих королевств и ханств. И ломающих ради этого судьбы и жизни собственных детей. Ну, действительно, если бы не прожекты королевы Имганта, для чего могло принцессе Аглессе понадобиться выходить замуж именно за него?! Неужели она не смогла бы найти супруга поближе?

Или недостаточно ей собственных богатств, от которых, по рассказам дядиных шпионов, просто ломятся подвалы Имгантского королевского дворца?!

– Дорд, завтрак на столе, мы ждём, – раздался за дверью дипломатичный голос магистра, и прозвучавший в нем намёк обозлил герцога ещё больше.

Он, не торопясь, закончил умывание и, скептически кривя губы, остановился перед шкафом с одеждой, собираясь найти для себя подходящее одеяние. Однако в душе герцога появилось сомнение в успехе этой попытки. Райт, которому принадлежали все висевшие тут камзолы и штаны, обожал одеваться очень ярко и нарядно. Нет, герцог нисколько не осуждал за это парня, прошедшего детство в бедности, граничащей с нищетой. Дядья Дорданда по материнской линии были гордыми и щепетильно честными дворянами, но, к сожалению, это редкое и достойное уважения качество не приносило достатка в их старинные дома.

Разумеется, отец Дорда всячески старался им помочь, дарил на все праздники щедрые подарки, приезжая в гости, привозил возы продуктов и вещей, которые потом старался «забыть», но этого было мало. А брать деньги «в открытую» они категорически отказывались, вот и придумал Агранат, как потом сам признался, только для того, чтобы подкормить племянников, пригласить их пожить летом в Анриме.

Но первые же дни принесли досадное понимание ошибочности этой затеи. Старшие племянники строго следили за младшими, чтобы те вели себя достойно и не хватали незнакомые лакомства, словно «придорожные попрошайки».

И в первый же вечер Дорд застал в дальнем ягоднике, куда регулярно наведывался в поисках первого урожая, потрясшую его сцену. Старший кузен сердито хлестал по щекам шестилетнего Райта, сквозь зубы приговаривая, что научит того вести себя подобающе.

Юный герцог коршуном налетел на обидчика, а когда пойманные с поличным подростки бросились врассыпную, схватил зарёванного Эртрайта за руку и потащил в замок.

Немедленно были призваны все лекари, посланный на кухню слуга притащил полный поднос деликатесов и сладостей, а Монрат, бывший тогда простым лакеем, доставал из сундуков самые нарядные костюмы Дорданда, игрушки и книжки.

С того дня и началась их дружба, а в собственный дом Эртрайт так и не вернулся. Впрочем, у его матери, болезненной и бледной женщины, запомнившейся Дорду по редким визитам, было ещё двое младших детей, кроме Эртрайта, и она не особенно расстраивалась из-за его отсутствия.

А когда чуть больше года назад во время охоты пропали на болотах и больше не вернулись герцог и герцогиня Анримские, в завещании, открытом по истечении трёх лун, кроме документов, предназначенных для Дорданда, был найден и указ для Эртрайта. О назначении его шестнадцать лет назад на должность компаньона юного герцога с выплатой солидного жалованья. За долгие годы набежала круглая сумма, но Эртрайт в тот день поступил по-своему, поразив даже Дорда.

– Прости, дядя, – сказал он печально, подняв к небу мокрое от слёз лицо, и бережно положил указ в горящий очаг, – но я живу тут по велению сердца, а не за деньги.

Уже на следующий день Гизелиус по просьбе Дорданда нашёл ловкого человечка, который за зиму провернул одно очень хитроумное дело. Было куплено и оформлено на имя пожилого и бездетного дальнего родственника Эртрайта небольшое, но доходное поместье, и вскоре там поселился сам старый лорд и куча слуг, нанятых на неизвестно откуда взявшиеся деньги. Взамен он составил прижизненную дарственную на имя горячо любимого племянника, и она ждала своего часа в сейфе герцогского поверенного.

Тяжело вздохнув, герцог отбросил накатившие так некстати воспоминания и достал из шкафа тёмно-серый дорожный костюм, самый скромный из обнаруженных. Затем быстро переоделся и решительно шагнул в длинный, как коридор, холл второго этажа. Торопливо спустился по лестнице, решительно распахнул дверь в столовую и ошеломлённо замер, обнаружив направленный на него арбалет и занесённый над головой меч.

– Стойте! – встревоженный крик вскочившего с места Райта заставил слуг замереть. – Это лорд Кайдинир, мой доверенный секретарь. Он прибыл сюда ещё вчера, но отдыхал с дороги.

– В комнате лорда Райта? – недоверчиво протянул Монрат, опуская арбалет.

– Лорд Эртрайт ближайшие пару месяцев проведёт в гостях у своих тётушек, а его обязанности будет исполнять секретарь, – сердито буркнул Райт и опустился на место, жестом показывая Дорду на свободный стул рядом с собой. – Проходи, Кайд.

– Спасибо, милорд, – с едва заметным ехидством процедил герцог и занял указанное кресло, на котором раньше не имел права сидеть никто, кроме его кузена.

– Спасибо, я имя запомнил, иначе... – хмуро пробурчал Райт, с ненавистью поглядывая на молочную пшеничную кашу, которую по традиции варили на завтрак для герцога.

– Можно и мне такой каши?! – Ситуация понемногу раздражала герцога всё больше, и он все чаще бросал возмущённые взгляды на Гизелиуса, самозабвенно уничтожавшего любимый омлет.

Если это называется, всё предусмотрено, тогда что в понимании магистра – «спонтанные действия»?

– Не побрезгуешь моей? – В тёмно-серых глазах лжегерцога, даже не прикоснувшегося к ненавистой каше, мелькнула горячая надежда, и Дорд внезапно почувствовал, как у него невольно начинает улучшаться настроение.

Как ни крути, а Райту ещё труднее, чем ему. Ведь новоиспечённый секретарь начинает жизнь с чистого листа и может выбирать себе привычки и пристрастия, а Райту никуда не деться от ненавистой каши и нелюбимых им телячьих бифштексов.

– Ваша светлость очень добры. – Кайд склонил голову, чтобы скрыть мелькнувшую на губах усмешку, и решительно забрал у друга тарелку с традиционным завтраком.

А Райт, облегчённо вздохнув, торопливо пододвинул к себе блюдо с фаршированными рулетиками из бледно-розовой ветчины. Это было самое любимое кушанье лжегерцога, впервые отведанное им много лет назад. Именно за неумеренное пристрастие к незнакомому деликатесу мальчик и получил в тот день несколько хлёстких пощёчин от одного старшего брата и верную дружбу другого.

Лжегерцог слукавил, сообщая Дорду при слугах, будто еле запомнил выбранное им имя: кузена, воспитывающего его когда-то в духе «гордой бедности», звали Кайдинир. Давно прощённый Райтом «воспитатель» несколько лет назад погиб на дуэли, и причиной тому были именно гордость и бедность. Гордость не позволила отказаться от дуэли с наглым купеческим отпрыском, а бедность, помешавшая в своё время нанять хорошего учителя, подвела в бою.

Гизелиус перевёл дух и незаметно опустил в карман крошечный пузырёк с успокаивающим зельем, каким он в случае «грозы» собирался слегка «надушить» воздух в столовой. Занятия алхимией, к которой у магистра был истинный талант, давно доказали магистру, что в большинстве случаев сведущий человек вполне может обойтись и без магии, одними зельями. Ведь хотя снадобья, сваренные с применением магии, давно придуманы на все случаи жизни, однако пользоваться ими, когда на тебе висит заклинание личины или защиты, нужно с большой осмотрительностью. Все заклинания, имеющие общую основу, имеют обыкновение смешиваться и выдавать непредсказуемый результат.

На улице тем временем разгулялась непогода, и ехать в Подгорье, куда обоз отправился ещё вчера, кузены решили в экипаже.

Карета, сработанная лучшими мастерами королевства для дальних путешествий, была не столь изящна, как её сестры, предназначенные для парадных выездов и коротких прогулок, зато необычайно комфортна и уютна.

Даже для пары лакеев, обязанных сидеть на запятках, была устроена на багажной площадке маленькая кабинка, чтобы на них не попадали ни грязь, ни дождь. Хотя сами лакеи, успешно совмещающие это звание с обязанностями охранников, бурчали, будто так им неудобно следить за придорожными кустами и значительно дольше соскакивать в случае нападения. Да только кто собирался их слушать?!

Зато господам, с которыми ехал и Монрат, наоборот, карета очень понравилась. Мягкие диваны, на ночь можно было сдвинуть и получить просторное ложе, откидные столики и множество ящичков и карманов для необходимых в долгом путешествии мелочей скрашивали дорожные неудобства. Например, там можно было хранить расчёски и зеркала, игральные кости и книги, установить кружку с напитком или туесок с ягодами.

Впрочем, сейчас друзей не интересовали ни кости, ни собственные лица, лишь возможность немного возместить недобранные часы сна. И потому вскоре новый секретарь чутко спал, привычно положив руку на рукоять пристёгнутого под плащ кинжала, а его сосед,

одетый в герцогский камзол, подтянул ноги, словно собираясь свернуться в клубок, и сладко посапывал, засунув под щеку маленькую подушечку.

Монрат, сидевший на переднем сиденье рядом с магистром, некоторое время с недоумением разглядывал несвойственную герцогу позу и хмурил в задумчивости лоб. А когда напозавшая на лоб секретаря шляпа полностью прикрыла его лицо, изумлённо выдохнул и, повернувшись к магистру, уставился на того с оскорблённым возмущением.

— А никто и не обещал, что будет легко, — пробурчал Гизелиус тихонько и красноречиво развёл руками.

Одновременно поклявшись себе после поездки на воды взять, наконец, отпуск, в котором не был уже четверть века.

– Он мухлюет, – разочарованно пробурчал Райт и сделал обиженное лицо, – так не бывает, чтобы семь раз подряд выпала шестёрка!

Дорд посмотрел на состроенную кузеном гримасу и обречённо вздохнул. Нет никакого толку повторять другу, что такого беззащитно-детского выражения на лице герцога никто не видел уже больше двадцати лет. Он все равно забудет через пять минут. Ну, и как он будет изображать Дорданда, если никак не может научиться скрывать свои эмоции?!

– Лорд Кайдинир, если вы при гостях будете смотреть на своего господина так возмущённо, дамы смогут заподозрить... да всё, что угодно, в зависимости от испорченности, – подгребая к себе кучку монет, менторским тоном сообщил магистр.

Карета подпрыгнула на особо глубоком ухабе, зашатались стоящие на столике бокалы, покатались монеты... подпрыгнул кубик слоновой кости с агатовыми глазками и... встал шестёркой кверху.

– Ты видел?! – обличающе наставил на него палец лжегерцог. – Нет, ты это видел?! Я же говорил, он жульничает!

– Подтвердите, лорд Кайд, что я и пальцем кубика не коснулся, – парировал Гизелиус. – А вам, милорд... Дорданд, не стоило бы возмущаться так громко. Вам сейчас можно проигрывать сколько угодно, все равно не из собственного кармана, так перестаньте волноваться и получайте удовольствие!

Эртрайт, гордившийся своей неподкупностью и честностью, уставился на Гизелиуса так сердито, что любой другой человек на месте магистра покраснел бы от стыда, но алхимик и бровью не повёл. Он специально всячески провоцировал сейчас ученика, чтобы к моменту приезда на воды тот обозлился по-настоящему и перестал смущать охрану и слуг несвойственной герцогу улыбчивостью.

Монрат, не желающий наблюдать за творившимся «безобразием», ехал в обозе, присоединившемся к карете в Подгорье. И нужно сказать, неплохо устроился в кухонной повозке повара Берна, своего старого приятеля. Да и господам его «измена» пошла на пользу, Монрат сумел убедить товарища, что герцог винит себя в ссоре с неразлучным другом и теперь специально, в наказание самому себе, кушает только любимые Райтом блюда.

Погода, между тем, понемногу испортилась окончательно, в карету и повозки пришлось дополнительно припрячь сменных лошадей, и все равно по раскисшей дороге они еле двигались. Люди герцога, кроме верховой охраны, прятались по повозкам и от скуки играли в кости да отсыпались – пить в дороге вино и даже пиво Дорд запрещал категорически. Впрочем, все и сами понимали – тут, почти на восточной границе с дикими степями, даже маленькое расслабление могло стоить путешественникам жизни.

В результате до Кархина, стоящего на берегу Жёлтой реки, отделяющей королевство от объединённых кагалов, доехали на полсуток позже запланированного. И хотя капитан барки, уведомлённый нарочным, покорно ждал важных пассажиров, отплывать, на ночь глядя, братья не решились. Потому и остановились в доме местного градоправителя.

– У меня в голове всё качается, – сообщил Райт, жалобно поглядывая на магистра. – Может, не пойдём на ужин? Перекусим слегка да на боковую?! А то ещё неизвестно, вдруг на барке выспаться не удастся? Морская болезнь или ещё какая напасть...

– Не трусь, ученик! Да и некрасиво отступать, раз ты уже дал обещание, – раскладывая по груди красивыми складками кружевное жабо, безапелляционно объявил магистр, им с лжегерцогом досталась одна гостиная, из которой вели двери в разные спальни, – и помни, у тебя сегодня генеральная репетиция.

– Какая ещё репетиция? – насторожился Эртрайт.

– Генеральная. Ты же не забыл, что у его превосходительства три дочки на выданье?!

– Но они же знают, что мы на рассвете уезжаем, – не поверил в опасность лжегерцог. – Вряд ли даже внимание на нас обратят, какая там репетиция?!

– Я тебя предупредил! – хитровато усмехнулся магистр. – А дальше – твоё дело. Но не пойти нельзя, обидишь градоначальника ты, а расхлёбывать ему.

Он красноречиво кивнул в сторону двери, намекая на Дорда, которому на эту ночь досталась маленькая комнатка в мансарде, рядом с комнатами слуг. И даже лестница туда вела отдельная, по импантской моде.

Райт тяжело вздохнул и начал одеваться, уныло бурча себе под нос нескончаемый жалобный монолог.

Вот если бы он хоть на миг мог представить себе, каково это – быть герцогом, то ни за какие коврижки не согласился бы. Мало того, что нужно все время делать важное непроницаемое лицо, иначе подданные сочтут, будто у них правитель с приветом, так ведь ещё и слова сказать попросту нельзя.

Вот в деревушке, когда обоз остановился пополнить запас зерна для лошадей и набрать воды из знаменитого на всю округу колодца, понравился ему скачущий вокруг лохматой псины шалопутный щенок. Ну и ляпнул спроста: мол, миленький какой.

Ну откуда же он знал, что крестьяне мигом щенка изловят и в корзинке, с бантом на шее, притащат к карете? Ведь скажи он то же самое в своем собственном облике, никто и пальцем бы не пошевелил!

А Гизелиус тоже хорош, вместо того, чтобы заранее подсказать, потом всю дорогу хихикал. Нужно, дескать, было не на щенка показывать, а на ту девицу, какая рядом стояла, они бы и её с бантиком на шее приволокли. Ведь всякий знает: герцог никого не обидит, а за внимание одарит. Вот и беспородный щенок обошёлся Дорду как чистокровная гончая: всей толпе, что с корзинкой притопала, пришлось выдать по серебряку.

Но обиднее всего другое. Дарили щенка Райту, а привязался он к Дорданду. Всю оставшуюся дорогу спал на его сапогах, а заслышав голос герцога, начинал усиленно крутить хвостиком и преданно заглядывать ему в глаза. Зато тывкал на всех остальных. Даже кормившего его Монрата, сунувшего голову в дверцу спросить насчёт привала, и то не пропустил.

– Всё правильно, – важно сообщил магистр в ответ на обиженное ворчание лжегерцога, – собаки – существа стайные и определяют вожака не по внешности и нарядам, а по поведению и интонациям.

Райт расстроено фыркнул и снова принялся копаться в куче одежды, невероятно удручённый необходимостью надевать тёмно-серый с черным позументом камзол вместо нарядного сиреневого, украшенного серебряной вышивкой. Дорданд никогда не надевал ярких и светлых вещей. Тем более сейчас, когда он ещё не пережил утрату родителей и, кроме того, как бы в ссоре с кузеном.

А ведь это выход – замер осенённый новой идеей Райт и поспешил окликнуть Гизелиуса.

– Мне думается, метр, раз герцог теперь ест любимые блюда друга, то он может надеть и его любимый камзол?!

– Может, но никогда не наденет, – бесстрастно пожал плечами магистр.

– Почему? – Довольство от удачно найденного выхода сменилось в глазах лжегерцога на обиженное недоумение.

– Потому как тогда ваш секретарь мгновенно найдёт очень важный повод срочно поговорить со своим господином наедине, – так же невозмутимо пояснил магистр.

Эртрайт представил себе, с каким возмущением кузен будет высказывать ему упрёки по поводу слишком вольного распоряжения чужим авторитетом, и уныло натянул серый камзол. Покрутился перед зеркалом, тяжело повздыхал и, пользуясь тем, что успокоенный Гизелиус вышел из комнаты, приколол на плечо скромную, но изящную подвеску из чёрнёного серебра и агатов, очень удачно сочетающуюся с отделкой. Успокаивая себя тем, что Дорд даже в гневе сдержан в выражениях и никогда не позволит себе изъясняться как трактирщик.

А потом, очень довольный собой, выскочил из гостиной и направился в сторону лестницы, ведущей на первый этаж – именно там, как его предупредил магистр, и намечался торжественный ужин по поводу приезда высоких гостей.

Первый пролёт он одолел очень уверенно, лишь на миг приостановившись в сомнении на просторной площадке, откуда выходила широкая, наполовину застеклённая дверь на балкон. Также тут стояли пара огромных напольных ваз с цветами и маленький диванчик между ними, а в разные стороны спускались два крыла лестницы. Судя по сгущающимся за стеклом сумеркам, хозяйева уже ожидали в столовой, а Райт бессовестно опаздывал, поэтому он, не особо задумываясь, легко поскакал вниз по ведущим вправо ступеням. В конце концов, если придёт не туда – всегда можно будет вернуться, не так ли?! И, как водится, он пришёл не туда, почти сразу сообразив это по дружному стуку ножей и погромыхиванию посуды. Да ещё по паре окриков типа: «Долей воды, бездельник, не видишь, соус совсем выкипел?»

«Вот демоны!» – слегка огорчился Райт, развернулся и потопал назад. На этом недоразумение и закончилось бы, однако, проходя мимо висевшего напротив окна узкого зеркала, франт заметил, что из его причёски «под Дорда» выбилось несколько прядей, и остановился их поправить. Тут и раздался торопливый перестук каблучков, почему-то испугавший Эртрайта.

Разумеется, находишь лорд в своём собственном облике, он и не подумал бы прятаться, но никак не мог представить себе Дорданда, заблудившегося в кухонном коридоре, потому и нырнул, как воришка, за тяжёлую и длинную суконную штору. И вовремя нырнул, как показали дальнейшие события: каблучки процокали мимо всего через несколько секунд после его исчезновения в кипе пыльной ткани. Райт подождал немного – пусть особа, заставившая его прятаться в этой пылище, уйдёт подальше.

Но тут каблучки застучали вновь, и он от досады едва не ругнулся вслух, помогла старая уловка – вцепиться зубами в край воротника.

Теперь оставалось только ждать, пока незнакомка пройдёт мимо, не вылезать же из-за шторы при ней?! Однако она как назло остановилась прямо перед окном, сквозь узкую щель Райт разглядел в стекле смутное отражение женского силуэта. Отметив намётанным взором его стройность и изящество, лорд уже не так истово злился на неожиданную помеху, и к его вполне понятному возмущению примешалась изрядная доля заинтересованности.

А вскоре вдалеке послышались торопливые шаркающие шаги, и сгорающий от

любопытства Эртрайт напряг слух, чтобы не пропустить ни одного словечка из странного свидания. Ну а ради чего ещё прибежит в это безлюдное место таинственная незнакомка?!

И вначале был одновременно успокоен и слегка разочарован, услышав хриплый шёпот. Голос человека, с которым шепталась девушка, вполне мог бы принадлежать человеку любого пола, но не того возраста, какой может заинтересовать юную прелестницу в любовном плане. Собеседник незнакомки явно был стар.

Однако чуть позже Райт расслышал несколько слов, вернее указаний, и искренне поблагодарил изобретательную судьбу, так вовремя забросившую его сюда.

– ...обошлось в три золотых, – шептал старческий голос, – он обожает рулетки с ветчиной. Но на всякий случай подсыпьте и в мальзийский салат, лишним не будет.

Что-то прошуршало, послышался приглушённый звон монет, затем каблучки торопливо застучали в сторону лестницы, а шаркающие шаги удалились в противоположном направлении. Эртрайт ещё с минуту подождал для верности, затем выскользнул из-за шторы и направился вслед за девицей, ступая бесшумно, как на охоте. Когда дело касалось жизни или здоровья его старшего брата, Райт вмиг становился собранным и серьёзным.

Махом взлетел по лестнице, проскочил мимо диванчика и, заслышав голоса поднимающихся навстречу людей, степенно, с достоинством, зашагал вниз по второй лестнице.

– Ваша светлость... – завидев Райта, облегчённо выдохнул градоначальник, поднимавшийся навстречу с подсвечником в руке, и лжегерцог невольно отметил, что хозяин почему-то бледен и напуган, – с вами все в порядке... Уф, слава богам!

– В чём дело?! – не выдавая своей встревоженности, надменно спросил Райт. – А моего секретаря вы не видели?

– Да он уже внизу, и лекарь ваш тоже там. – Для непосвящённых Гизелиус был просто личным врачом герцога. – А вот вас мы потеряли... лакей, бестолковая душа, прибежал, напугал...

Он возмущённо оглянулся на плетущегося следом слугу, и тот, как по волшебству, исчез из виду.

– Я тут на диванчике немного посидел... уютное местечко, – неуклюже соврал Эртрайт, не найдя никакого более приемлемого объяснения своему отсутствию, но градоначальник неожиданно поверил.

– Да-да, я давно говорю Жаннет, нужно там ещё один светильник повесить, а она спорит... женщины такие упрямые...

Тут он, наконец, сообразил, что от испуга и волнения говорит какую-то чепуху, да и вообще держит высокого гостя на лестнице, и с извинениями побежал вниз, старательно держа подсвечник повыше, чтобы освещать Райту путь.

Дорданд и Гизелиус уже несколько минут околачивались возле дверей столовой вместе с остальными домочадцами градоначальника, старательно делавшими вид, будто не замечают герцогских «слуг». И совершенно справедливо негодовали на неизвестно где застрявшего Райта, хотя вовсе не страдали от недостатка внимания и почестей, наоборот, несказанно наслаждались возможностью понаблюдать за подданными в естественной обстановке.

Особенно радовался герцог, никогда в жизни так близко не видевший ту сторону жизни подданных, которую обычно от него старательно прятали. Например, лакея с подозрительно серой тряпкой, торопливо вытиравшего с натёртого паркета капли лимонного соуса,



пролившиеся с огромного блюда, на котором возлежала заливная рыбина. Двое поварят еле протащили это произведение поварского искусства мимо собравшихся гостей. Никогда не приходилось герцогу следить и за торопливой вознёй стайки молоденьких девиц, украдкой что-то поправлявших в причёсках и туалетах друг друга. И при этом сердито препирающихся звонкими шёпотками, разносившимися по всему залу.

И потому Дорд не сразу рассмотрел, что Райт выглядит вовсе не так, как обычно. То есть не улыбается искромётно и не смотрит на всех со счастливым выражением шаловливого щенка, а очень правдоподобно изображает его самого, холодно поглядывая на всех с еле заметной подозрительностью.

Герцог вполне мог бы похвалить кузена за отличную актёрскую игру, если бы не так хорошо его изучил. И едва заметив происшедшие в поведении друга изменения, сразу сообразил – Райт несколько не играет и встревожен не на шутку. А заметив на плечах безукоризненно чистого камзола лжегерцога следы пыли и даже паутинку, Дорд немедленно сделал вывод, что кузен куда-то случайно вляпался. Хотя даже представить себе не мог, какую неприятность можно найти по дороге от гостиной, где, по сообщению магистра, задержался кузен, до этого зала.

Однако выяснять, что именно произошло, не было ни времени, ни возможности – домочадцы градоначальника уже обступили гостя тесной толпой, и глава семьи представлял их лжегерцогу по степени старшинства. Стоящий чуть в сторонке Дорд имел отличную возможность рассмотреть сие действие в подробностях и тихо порадоваться, что вовсе не ему приходится придумывать ответные комплименты и шутки для каждой из толпы представленных девиц. Среди них было трое дочерей градоначальника, и ещё одна девица приходилась ему племянницей. Остальные две или три прелестницы, очевидно, являлись родственницами именитых горожан, которым глава города по какой-то причине не мог отказать в такой малости – показать их племянницам и дочкам живого герцога.

Разумеется, жена градоначальника, высокая и надменная дама, недовольно поглядывавшая на мужа, вовсе не рада была конкуренткам собственных дочерей, и наверняка у градоначальника все семейные неприятности оставались ещё впереди. Зато остальные гости – начальник городской охраны, директор гимназии и несколько чиновников, зашедших якобы случайно, но в праздничных мундирах и камзолах и при всех орденах и регалиях, – имели вид козлов, обнаруживших открытую калитку в усыпанный плодами сад.

Эртрайта, вынужденного подать руку старшей дочери градоначальника, проводили на самое почётное место во главе стола, и остальные девицы тут же очень ловко заняли все ближайшие места. Бедолага и слова произнести не успел, как оказался в самом центре роскошного букета из шелков, кружев, драгоценностей, оголённых плеч и замысловатых причёсок.

Рядом с девицами так же находчиво устроились их родители и именитые горожане, и когда ошарашенный этой пронырливостью Эртрайт поискал взглядом друга и учителя, то с ужасом обнаружил их сидящими на другом конце длинного стола.

Он досадливо нахмурился, легко сообразив, что ничего изменить уже не сможет. Нужно было заранее предупредить хозяина, что секретарь тоже лорд, а лекарь по правилам должен сидеть рядом, однако теперь это прозвучит вопиющей невежливостью.

Но вот как умудрялся Дорданд непременно позаботиться о брате и магистре, ведь Райту не припоминается ни одного мероприятия, на котором его и Гизелиуса посадили бы не рядом с герцогом?!

Просто Дорд всегда помнит про кузена, со стыдом и огорчением признал самозванец, а вот сам он в какой-то момент растаял от восхищённых девичьих взглядов и позволил собой распоряжаться. Потому и оказался вдали от друзей.

Значит, и выкручиваться придётся самому, а для этого нужно взять себя в руки, решил Эртрайт и с изумлением обнаружил, что, пока он отвлёкся на самокритику, девицы вовсе не теряли времени даром. С милыми улыбками радушных хозяек они успели загрузить тарелку гостя самыми изысканными закусками, и, разумеется, словно случайно, почти половина угощения оказалась рулетиками.

— О, рулетики из ветчины! — Обозлившийся на самого себя за неповоротливость Райт растянул губы в «счастливой» улыбке и обратился к сидящим за столом: — Господа, поскольку я сегодня не имею возможности выпить с вами за гостеприимного хозяина...

Тут он изобразил на притворно опечаленной физиономии многозначительное выражение, как бы намекающее на особые, известные всем обстоятельства, и закончил неожиданным предложением:

— А потому предлагаю мысленно чокнуться рулетиками!

Гизелиус, и без того рассерженный на ученика, позабывшего под обстрелом девичьих глазок все его наставления, даже вилку уронил от возмущения. Да если тут есть хоть один чиновник, когда-либо видевший Дорда на торжественных приёмах, он же сразу разгадает подлог!

Но сам Дорданд, не спускавший с кузена взгляда с того самого мгновенья, как осознал причину его странного поведения, был совершенно иного мнения. Плевать ему на разоблачения и на переглядывания гостей, изумлённых таким необычным предложением герцога. Зато теперь предельно ясно — Райт откуда-то прознал, что в рулетиках будет некое снадобье... и, стало быть, покушались именно на него, на Дорда! Значит, и вино он потому же отказался пить, объявив об этом так ловко, что теперь никто и предлагать не решится.

А подданные герцога очень быстро справились с лёгким шоком и вмиг расхватили оставшиеся рулетики, до секретаря и лекаря дошло лишь пустое блюдо — гости даже пучки зелени, положенные поваром для украшения, прихватили.

И тут Райт как бы случайно рассмотрел полупустую тарелку сидевшей рядом девицы, имени которой он не успел запомнить, и не обнаружил среди закусок ни одного рулетика! Какая несправедливость!

Лжегерцог с самым огорчённым видом поддел вилкой рулетик с собственной тарелки и переложил соседке. А после с самым умилённым выражением проследил, как она его изящно поглощает за здоровье собственного папеньки.

Затем пришла очередь соседки справа, а после и остальных девиц. Герцог даже привстал с места, чтобы дотянуться до каждой прелестницы. И по пути не забыл положить им по щедрой ложке мальзийского салата, приготовленного из печени очень редкой и потому дорогой рыбы.

Спорить с любезным и очаровательно улыбающимся высоким гостем не решилась ни одна из прелестниц, даже когда он, как бы по рассеянности, скормил им по второму, а ближайшим и по третьему рулетику. Забыв при этом оставить себе хоть один, несмотря на всю свою любовь к этому яству. Гизелиус к этому времени, в расстройстве совсем забыв про еду, допивал уже второй бокал нелюбимого им, кислоющего как уксус, дешёвого туризского вина, каким угощали гостей на этом конце стола. Как-то так получилось, что все наиболее дорогие и благородные вина стояли ближе к лжегерцогу и оставались пока нетронутыми —

после заявления Эртрайта все гости мгновенно превратились в трезвенников.

Впрочем, вскоре лжегерцог, покончив с принудительным кормлением своей «клумбы», вспомнил и про страждущих вина гостей и очень учтиво заметил, как его порадовал бы ответный тост хозяина. И тотчас предложил присутствующим не стесняться в выборе напитков, незаметно плеснув в свой кубок чистой воды.

Пока хозяин изрекал тост, гости осмелели, зазвенели бутылками и бокалами, начальник охраны взял на себя смелость разрезать огромную зубастую рыбину, украшенную овощными цветочками, а девицы приступили к самой важной задаче – охмурению правителя.

Причём, как заметил Дорданд, действовали прелестницы очень умело и слаженно. Нахваливая себя, не забывали похвалить и соперниц, попутно тонко намекая на собственное превосходство, и дружно смолкали, стоило Эртрайту открыть рот. А после каждой шутки милорда смотрели на него с таким умилённым восторгом, что Райт поневоле чувствовал себя не меньше, чем героем, перебившим в одиночку отряд степняков. И одновременно диким оленем, умело направляемым опытными охотниками в нужную сторону. Это очень беспокоило лжегерцога: несмотря на показное веселье, ему сейчас больше всего хотелось поделиться своими тайнами с Дордом и учителем.

Однако ещё раз нарушать чужие традиции Райт так и не решился, вот и пришлось вытерпеть до конца утомительно долгий ужин и традиционное чаепитие с затейливо украшенным тортом, доставленным под присмотром гордого такой честью повара.

Потом распахнулись двери в соседний зал, и там обнаружился притаившийся в засаде и ожидающий своей очереди небольшой оркестр. Хозяйка тут же поднесла герцогу длинный список танцев с проставленными напротив именами девиц, желающих танцевать их с гостем. И вот этого удара Райт перенести уже не смог. В панике оглянулся, ища глазами брата, и неожиданно обнаружил его рядом с собой. Вместе с угрюмым магистром, чувствующим приближение изжоги.

– Просим извинить милорда за невольное нарушение ваших планов, – мрачно заявил Гизелиус, – но ему необходимо срочно удалиться... сами понимаете...

Манерой говорить полузагадочно и веско – этой необходимейшей для практикующих врачей наукой – магистр владел в совершенстве, потому-то никому и в голову не пришло спрашивать о подробностях. Как можно, это же так невежливо!

И хотя получавшие от лжегерцога прощальные улыбки и ритуальные поцелуи ручек девицы и выглядели безнадежно разочарованными, их уныние казалось незаметным на фоне оживившихся и повеселевших мужчин.

Дойдя до лестницы, магистр попытался было расспросить Эртрайта о причине его странной выходки, но Дорданд одёрнул его так резко, что старик немедленно смолк и оскорблённо засопел.

Однако герцог, не обращая на метра никакого внимания, ворвался впереди спутников в их апартаменты и не позволил никому сказать ни слова, пока не обшарил каждый уголок и каждый шкаф. А затем поманил друзей в комнату магистра и, указав им на стулья, накрепко запер двери и задёрнул на окнах занавеси.

– Ну, рассказывай, – тихо потребовал он у молча следившего за этими предосторожностями Эртрайта, и тот так же тихо и подробно поведал о своём маленьком приключении.

– Но почему ты сразу... ничего не сказал! – возмутился магистр. – Я бы хоть один этот рулетик заполучил для проверки! А так мы даже не знаем... а вдруг это была какая-то

невинная пряность!

– Узнаем, – мстительно хмыкнул герцог, – обязательно потребуем утром, чтобы всех прелестниц привели попрощаться. Но ты молодец, Райт, я такого и не ожидал! Нужно будет мне подучиться этому методу решения подобных ситуаций! Накормить их собственным зельем... ха-ха... представляю, что они чувствовали. А теперь будем решать, как нам разместиться на ночь... Гизелиус, тебе придётся пойти в спальню, приготовленную для герцога, а мы попробуем найти себе другое помещение. И я, кажется, знаю... где искать. Кстати, мне сходить за своими вещами или ты перекинешь?

Магистр состроил недовольную мину и пренебрежительно махнул рукой, однако спорить не стал. Когда Дорданд говорит таким тоном, то становится невероятно похожим на своего отца, а спорить с герцогом Анримским не решался даже король.

Прихватив свой дорожный саквояж, Гизелиус ворчливо пожелал молодым людям спокойной ночи и скрылся за дверью. А через пару минут на пол перед ними шлёпнулся походный чемодан герцога. Телепортация мелких предметов не являлась самым удачным из магических умений магистра и лучше всего получалась, когда он был слегка не в настроении.

– А теперь посиди тут, я скоро, – скомандовал Дорд кузену, – да запри за мной двери и никому не открывай, даже если будут кричать, будто в доме пожар! Я тихонько посвищу иволгой, когда вернусь, – голос можно подделать.

Он сунул в карман несколько магических пугалок, изготовленных Гизелиусом на тот случай, когда желаешь лишь припугнуть недругов, но не причинить никому из них серьёзного вреда, и шагнул за дверь.

Райт, прекрасно осознавший, почему брат так настаивает на шпионских предосторожностях, торопливо запер дверь на все задвижки. Да и трудно было не сообразить, что случится, если настырная девица заберётся к нему в спальню! Насильно жениться, разумеется, герцога не сможет заставить никто, и все же Дорду придётся очень щедро раскошелиться, пока он уговорит градоначальника с женой держать язык за зубами. А просто припугнуть, как это делают многие знатные господа в таких случаях, не получится – слишком много свидетелей. Да и Багрант будет недоволен подобными методами, задевающими его собственный авторитет.

Разумеется, можно просто пригласить мага или знахарку, и они мигом проверят, насколько пострадала девичья честь, однако вряд ли удастся даже намекнуть на подобную экспертизу папеньке и маменьке невесты. Мгновенно прикинутся оскорблёнными и начнут упрекать в бессердечии, а то и в неблагодарности, будут умолять не позорить дочь и не выносить событие на обсуждение общества. И хотя они на самом деле не такие уж беспомощные и непонятливые, просто им будет намного выгоднее таковыми представиться. Хотя каверзный план, скорее всего, именно маменькин – сам градоначальник, хоть и слывёт суровым правителем, особым интриганом не выглядит.

Но хуже всего, если для доказательства своей невиновности герцогу придётся обратиться к королевским судьям, при клятве на их амулетах слетают все наведённые мороки и личины. И никому ведь потом не станешь рассказывать, будто они путешествуют не в собственном облике просто ради шутки. Поднимется шумиха, пойдут разговоры. И больше всех рассердится на Дорданда король. Вовсе не затем он собирает в Дивногорске всех самых знатных невест срединных королевств, чтобы повеселить их историями похождений своего племянника.

Само собой, как бы ни повернулась позже эта ситуация, дядя всегда будет на стороне

герцога, однако Дорд слишком ценит доброе отношение короля и вовсе не желает доставлять ему лишние неприятности. Вот и пытается сейчас придумать надёжный способ, как бы избежать приготовленной ему ловушки.

С четверть часа Райт нервно бродил по комнате, прислушиваясь к каждому шороху за дверью, и ругал самого себя. Не стоило отпускать Дорда одного. Мало ли какие неприятности могут приключиться с ним в полутёмных коридорах? Подвыпившие провинциалы иногда бывают не в меру воинственны. А герцог сейчас выглядит никому не известным секретарём.

Кроме того, кто-нибудь мог раскусить их обман и теперь ждёт удобного момента, чтобы захватить герцога врасплох. И хотя это не так-то просто, как кажется, иногда злоумышленникам удаются совершенно невероятные преступления, особенно если злодеям помогают сильные маги или амулеты.

Под дверью раздался какой-то шорох, потом тихонько пикинула свою печальную песенку иволга. Райт спешно отпер дверь и распахнул её, готовый увидеть толпу врагов, осаждающих его кузена.

Однако Дорд был один и очень спешил. Схватил свой чемодан и приказал Райту идти как можно тише и не отставать. Кузен послушно кивнул и ринулся следом. Почти бегом, замирая перед приоткрытыми дверями и проходными залами, как воришки, они добрались до лестницы и направились вверх, на третий этаж. Здесь коридор оказался попроще, да и двери были без резьбы и фигурных вставок. Понятно без объяснений, что комнаты третьего этажа предназначались вовсе не знатным лордам, а прислуге и случайным гостям.

Отсчитав третью дверь, Дорд вставил в замочную скважину ключ и через минуту запирает её изнутри. Райт стоял в темноте, ожидая дальнейших указаний, но герцог просто чиркнул магической зажигалкой – и свечи в простом подсвечнике, стоящем на столе, вспыхнули одновременно.

– Ты спишь там, – показал герцог на одинокую дверь в спальню, – а я тут.

Это «тут» оказалось довольно широким и сильно потёртым диваном, возле которого на стуле лежали свёрнутое одеяло и подушка.

– Но здесь даже простыней нет! – возмутился Райт. – Как же ты...

– Адъютанту начальника городской стражи простыней не положено, – невозмутимо заявил Дорд, – но если ты такой жалостливый, можешь принести одну из своих.

– А может... ты все же пойдёшь в спальню?! – уже понимая, что переубедить братца не удастся, жалобно оглянулся кузен, направляясь за простыней.

– Райт, не спорь, слуги придут нас будить и какую картину увидят? Я даже не хочу предполагать, какие домыслы при этом могут прийти им в головы!

– Ладно. – Сообразив, что Дорд как всегда прав, Райт вздохнул и перестал противиться судьбе.

К его удовольствию, в старинном, поцарапанном шкафу, явно переехавшем сюда с нижнего этажа, нашлось несколько запасных простыней, и на этом спор закончился.

Дорд с довольной ухмылкой растянулся на продавленном диване, а его брат свернулся в клубок под пыльным балдахином на не менее продавленной просторной кровати, стоящей в спальне.

Стук в дверь раздался значительно раньше, чем ожидал Эртрайт: он совершенно не выспался. Да и за окном, как убедился лжегерцог, повернув туда сонное лицо, было ещё совершенно темно. Какого демона, с ума они, что ли, посходили? Или это хозяин комнаты пришёл предъявить на неё права? Ну вот почему ему не пришло в голову с вечера спросить брата, каким путём тот добыл ключи от этих гостевых комнат? Может, просто отобрал у подвыпившего адъютанта?

– Ваша светлость, проснитесь! – в вежливом голосе герцога сквозь показную почтительность слышалось неудержимое веселье, и это явилось главной причиной, по которой Райт все-таки сполз с постели и, прошлёпав к двери, отодвинул засов.

И тут же, охнув, бросился за халатом – в комнатухе, где спал Дорд, было полно народу. Кроме градоначальника, его жены и директора гимназии, присутствовали несколько выглядывающих из-за их спин гостей, явно желающих рассмотреть не столько халат Райта, сколько комнату за его спиной.

– В чём дело? – Любивший поспать кузен герцога был сейчас вовсе не в лучшем настроении.

– Пропала наша старшая дочь, Камильена! – патетически всхлипнула жена градоначальника и вдруг ринулась мимо Эртрайта в спальню, в безумной надежде найти свою пропажу именно там.

И по мере того как она лазила по шкафу и заглядывала под кровать и за полог, Эртрайт все более приходил в состояние, которое Гизелиус насмешливо называл великой весенней грозой. Вот только прихвостни градоначальника не знали, насколько оно у Райта быстротечно, поэтому даже чуть присели, когда лорд, с каждой секундой все больше закипающий, обманно вежливым голосом задал первый вопрос:

– А почему это вы решили, сударыня, будто я настолько дурно воспитан, что приведу в мою спальню вашу дочь? Или это вы сами так неумело воспитали своих дочерей и они способны отправиться ночью в спальню холостого мужчины?! – Рычанье в голосе лжегерцога начало звучать угрожающе. – Ну, так как мне следует понимать ваше поведение? Или вы специально заманили меня в свой дом с целью обманом женить на одной из дочерей? Неужели вы считаете, будто после такого оскорбления я хоть на миг тут останусь? Или вы надеетесь, что после произошедшего я оставлю на таком ответственном посту вашего мужа?!

Дорданд стоял рядом с самым невозмутимым видом, одобрительно кивая каждому очередному негодующему пассажиру брата, и только те, кто его хорошо знал, рассмотрели бы в тёмно-серых глазах прыгающих чёртиков.

– Но ведь... в вашей спальне... – заикаясь от страха, робко промямлил градоначальник, – там ваш лекарь... и с ним Риселла...

– Кто такая Риселла?! – не понял Райт, запутавшийся в именах окружавших его на ужине девиц, и Дорд почтительно напомнил:

– Племянница какого-то знатного горожанина.

А потом развернулся и опрометью рванул из комнаты. Эртрайт, сообразивший, что произошло, всего на миг позже, подобрав полы длинного халата, стрелой вылетел следом.

Дорд мчался по лестнице, и лишь одна мысль билась в его мозгу: только бы у магистра

хватило выдержки и здравого смысла не убить эту дуру или не превратить её в нечто жуткое. Была лет пять назад история, хорошо отец тогда ещё был жив и сумел доказать всем сомневающимся, что появившееся в ближнем лесу неизвестное науке животное никакого отношения к его лекарю не имеет. И к нахальной полугадалке-полупопрошайке, осаждавшей почти всё лето жителей нескольких прилегающих к лесу деревень, тоже. Просто совпали по времени эти события.

Деревенские ребяташки, толпой бредущие летним вечером из лесу с полными лукошками малины, заметили, как за возвращавшимся от травника Гизелиусом упорно следует размахивающая руками гадалка. Видимо, что-то доказывала – дети слышали только обрывки слов. А на другое утро на мужиков, выбравшихся на утренней зорьке порыбачить, вылезла из кустов коза с поросычей головой и в обрывках разноцветных бус на шее. Вот эти-то бусы и являлись главным доказательством обвинителей, тогда как герцог недрогнувшим голосом объявил, что именно бусы и являются главным подтверждением непричастности его лекаря к запретной магии. Ведь ясно же: вначале это порождение тьмы напало на мотающуюся по дорогам попрошайку, и та, чтобы откупиться, нацепила на чудовище собственные украшения. И, пока монстр не опомнился, сбежала подальше. Селяне вначале не поверили убийственной логике этих доводов, но через пару дней прискакавший из Кархина королевский гвардеец рассказал, будто видел гадалку, сядившуюся на идущее вниз по реке судно, и даже самые упорные вынуждены были прикрыть рты.

Сворачивая на лестницу, Дорд заметил не отстающего от него Райта в собственном бархатном халате с собольей опушкой и растянувшуюся за ним по коридору толпу гостей, спешащих не прозевать такие потрясающие события. Каждый отлично понимал, что этой зимой очевидцы случившегося в доме градоначальника скандала будут иметь приглашения на все самые престижные вечера и балы сезона.

Неимоверно злой и невыспавшийся Гизелиус, полностью одетый и с саквояжем в руках, разъярённо вышагивал по гостиной. В кресле, стоящем у камина, тихонько рыдала замотанная в покрывало девица, и при первом взгляде на неё всем сразу становилось ясно: сама она так замотаться не сумела бы при всём желании.

– Что тут произошло? – На миг Дорданд забыл, кто из них с кузенком сейчас герцог.

Однако ни растерянный начальник городской охраны, подпиравший дверь спальни, первоначально принадлежавшей магистру, ни его подчинённые не заметили этой оплошности.

Только Райт, почти влипшийся ему в спину, вовремя напомнил герцогу, что он теперь всего лишь секретарь.

– Гизелиус, нам сообщили... это правда? – лжегерцог оттеснил брата в сторону и остановился перед сердито сопящим стариком.

– Вы полагаете, ваша светлость, будто в этом доме кто-то может сказать правду?! – Магистр оскорбленно задрал нос. – Интересно в таком случае, что именно вам сказали?!

– Не волнуйтесь, друг мой, – холодно объявил секретарь, краем глаза следя за застывшим в дверях градоначальником, – его светлость уже сместили нашего нелюбезного хозяина с его поста!

Градоначальник тихо застонал и с упрёком уставился на жену.

– Ну, Жаннет, ты своего добилась?

– У тебя дочь пропала, а ты о должности печёшься, – трагично воззвала Жаннет, не переставая надеяться на чудо, ведь она настрого наказала этим дурёхам захомутать хоть

одного из гостей!

Какая разница кого, если в результате будешь жить в герцогском замке?! Хотя самого герцога не в пример заманчивее, но, на худой конец, и карась – рыба.

Дверь спальни за спиной начальника городской стражи как-то подозрительно дёрнулась, но он продолжал её держать с самым невозмутимым видом. И только когда бдительный Дорд, не пропустивший это движение, подошёл вплотную, воин, несчастно вздохнув, сделал шаг в сторону. Лишённая подпорки дверь стремительно распахнулась – и из неё вывалилась ещё одна бывшая поклонница Райта. Слегка неодетая и весьма растрёпанная

– О нет! – в отчаянии всплеснула руками госпожа Жаннет, заметив виновато-плутовское выражение на лице воина. – Не говори ничего, Камильена, я этого не перенесу!

– Простите нас... папа, – в притворном раскаянии склонил голову жулик. – Но мы с Камильеной давно любим друг друга, и я сделал ей предложение... руки и сердца.

– Потому как больше тебе предложить нечего, – рявкнула Жаннет, прекрасно осведомлённая, что всего несколько недель назад этот доблестный воин получил вежливый отказ в доме одного из местных купцов.

Должность начальника охраны, конечно, сама по себе может быть очень доходной, но только если у человека, занимающего её, мозги всё время заняты заботами о своём кармане. А у этого простака Динжара все мысли о том, как понадежней укрепить стены стоящей на прибрежных скалах крепости, в которой, в случае набега степняков, может укрыться все население маленького города.

– Мне подготовить указ, ваша светлость?! – многозначительно осведомился Дорданд и указал Райту глазами на Динжара.

– Да, Кайд, и немедленно. – Кузен важно кивнул. – Я подпишу. Эй, кто-нибудь, принесите мой чемодан и одежду, и вещи лорда Кайдиниры не забудьте. Гизелиус, вы не против, если я переоденусь в вашей спальне?

– Если не боитесь полуголых девиц, вылезающих из потайного хода, то пожалуйста! – едко ухмыльнулся магистр. – Если бы меня не задержало изготовление лекарства от вашей лихорадки, то уже считался бы женихом!

Притихшая девица в покрывале зарыдала с новой силой, и Эртрайт недовольно поморщился.

– Допроси её, Кайд. – Женские слезы всегда действовали на чувствительного Эртрайта удручающе.

– Иду, ваша светлость, – с лёгким оттенком иронии отозвался герцог, быстро черкавший что-то на листе гербовой бумаги. – Вот, готово, прочесть?

– Читай, – величественно разрешил Эртрайт, ни малейшего представления не имевший, как Дорданд решил наказать их хозяина.

– Сим указом я, герцог Дорданд Агранат Анримский, отстраняю градоначальника Кархина лорда Бангена Тасвойского от занимаемой должности и назначаю его временным преемником начальника стражи города Кархина господина Динжара, со всеми полномочиями и привилегиями. – Он поднял глаза на бывшего градоначальника и буднично спросил: – Дом ваш или казённый?

– Казённый... – убито прошептал ссутулившийся Банген.

– Тогда радуйтесь, ваша дочка очень вовремя подсутилась, – дописывая что-то в указ, ядовито буркнул Дорданд, – возможно, зять не станет выгонять родичей на улицу. – И уже другим, почтительным тоном добавил: – Ваша светлость, готово.



Эртрайт, прошедший к столу и вставший так, чтобы загородить от зрителей происходящее, бросил короткий взгляд на документ и убедился, что герцог уже поставил там свою заковыристую роспись. Самому Райту осталось только снять с шеи цепочку с печатью и заверить документ.

Что он и проделал с великим удовлетворением, после чего полюбовался, как Дорд важно вручает документ приосанившемуся жениху.

– Надеюсь, ты не будешь слишком тянуть со свадьбой, – строго предупредил лжегерцог новоиспечённого градоначальника, когда тот в ритуальном поклоне склонил перед ним голову, и хлопнул жениха по плечу, – приступай к работе, да служи честно.

Горестный вздох будущей тёщи заверил их, что в чем, в чем, а вот в последнем она нисколько не сомневается.

– А сейчас оставьте нас, герцогу нужно переодеться. – Дорданд таким выразительным взглядом смерил жениха с невестой и ошарашенную публику, что через минуту в комнатах, кроме них и рыдающей в кресле лазутчицы, не осталось ни одного человека.

– Ну, красавица, теперь мы займёмся вами, – запирая за ушедшими двери, ухмыльнулся герцог, и его усмешка не сулила ничего хорошего.

– Сначала переоденьтесь, милорды. – Гизелиус, бдительно следивший за кандидаткой в герцогини, заметил, как по её замурзанному, но смазливому личику скользнула непонятная гримаска.

– Ты прав, – кивнул Эртрайт, которому тоже послышалась в словах друга некая двусмысленность, – иначе нам дорого обойдётся этот разговор.

И тут в дверь затарабанили так отчаянно, что все трое мгновенно насторожились.

– Кто бы это мог быть?! – тихо буркнул Райт и хотел было по привычке сам открыть двери, но Гизелиус предупреждающе поднял руку.

– Я открою, ваша светлость, не волнуйтесь!

Ну, вот за магистра-то Райт как раз волновался меньше всего: тот умел мгновенно ставить мощные магические щиты, от которых удары меча отскакивали, как горох от стены.

– Вы велели принести её вещи, – торопливо затараторила молоденькая служанка, с беспокойством заглядывая в распахнутую магом дверь, – вот я и принесла. Куда положить?

– Неси в ту комнату, – приказал Гизелиус и обернулся к Дорданду. – Кайдинир, не сочти за труд, помоги старику доставить наглуую соблазнительницу в комнату, не здесь же ей одеваться?!

– Разумеется, – коротко кивнул герцог, правильно поняв предупреждающий знак магистра, и, подхватив примолкший свёрток, легко отнёс в ту комнату, где до этого обретался бывший начальник охраны.

Служанка змеёй юркнула следом и плотно прикрыла за собой двери.

– Что происходит? – тихо, одними губами поинтересовался Дорд у магистра, ведущего себя крайне подозрительно.

– Тсс, – предупреждающе стрельнул тот глазами на занятую девицами спальню, – быстро одевайтесь, я потом всё объясню.

Эртрайт разочарованно вздохнул и, подхватив чемодан, направился в комнату Гизелиуса.

– А как же потайной ход? – по пути вспомнил следующий за ним герцог, как секретарь, имеющий по этикету право в исключительных случаях подменять камердинера.

– Я его подпёр поставцом, а то оттуда ещё кто-то ломился. – Магистр мстительно ухмыльнулся. – А в моем возрасте пускать в спальню больше одной девицы опасно для

здоровья.

Эртрайт хрюкнул, представив убегающего от девиц учителя, а Дорданд, уловивший в голосе мага какую-то недосказанность, кроме несвойственной для того грубоватой шутки, снова насторожился. И войдя в спальню, прямым направлением к поставцу, подпирающему дверку невзрачного шкафчика. Обычно в таких хранят дополнительные одеяла и подушки для особо капризных гостей.

В этом шкафчике тоже были подушки, кучей сложенные в одну сторону, оставляя для обозрения небольшую дверку, как раз такого размера, чтобы сквозь неё могла прошмыгнуть очень стройная и гибкая особа. Но не это заставило Дорда насмешливо присвистнуть – в тонкие скобы, по-видимому, использовавшиеся как дверные ручки, кто-то продел крепкое поленце, и не нужно было иметь учёную степень, чтобы точно назвать хитреца. Вернее, хитруню.

Стало быть, Риселла заранее разведала все особенности потайного хода, потому как найти в темноте подходящее по размеру полено абсолютно невозможно, к тому же в спальне могло и вовсе не оказаться дров.

Вот сейчас всё встало на свои места: выходит, пробравшись через ход, девица заперла изнутри дверцу и сидела в шкафу, ожидая прихода герцога. Теперь и Райт припомнил, как одна из его почитательниц исчезла чуть раньше других. И в таком случае получается, что в этом состязании на скорость у дочерей градоначальника не было ни единого шанса на победу.

Дорданд решительно отпихнул ногой вывалившуюся подушку, шагнул внутрь шкафчика и прикрыл за собой дверцу. И едва не расхохотался в голос. Две незаметные снаружи дырочки, просверленные в очень удобном для наблюдения месте, позволяли видеть всё, происходящее в спальне в районе кровати. Стало быть, девица видела, к кому именно лезла в постель? Или... или Гизелиус умалчивает о чем-то значительно более важном, чем герцогу показалось с самого начала.

Когда через несколько минут, полностью облачённые в дорожные костюмы, милорды важно вышли из комнаты Гизелиуса, Риселла уже стояла у камина с самым виноватым видом, какой только могут принимать особы женского пола. Служанка лазутчицы скромно сидела в уголке комнаты на краешке банкетки, пряча под неказистой шалью руки.

Герцог, несмотря на свой достаточно скромный опыт общения с подобными девицами, был уже вполне осведомлён о небольших дамских хитростях и поэтому только насмешливо фыркнул в затылок идущего впереди Эртрайта. Можно не сомневаться, сейчас на них обрушат море слез и рассказы о внезапно вспыхнувшей горячей любви, затем начнут раскаиваться и умолять о пощаде. И им останется только придумать для аферистки наказание посуровее, дабы никому не повадно было повторять такой фокус.

Устроившись вместе с друзьями на простых стульях возле стоящего посреди комнаты стола, лжегерцог некоторое время молча изучал преступницу, затем подал брату знак начинать допрос.

– Ну, сударыня, – строго произнёс секретарь, устремив на девушку мрачный взгляд, – мы ждём ваших объяснений.

– Ваша светлость... – девушка в отчаянии заломила руки и застенчиво покраснела, – неужели вы заставите меня рассказывать столь интимные вещи в присутствии других мужчин?!

– Вообще-то именно к одному из этих мужчин вы, сударыня, и влезли в спальню, –

язвительно заметил Дорданд, – ну а я всего лишь секретарь, человек при исполнении обязанностей и, следовательно, практически бесполой.

Риселла смерила его мимолётным загадочным взглядом и снова застенчиво потупила глаза.

– Я вынуждена сдаться перед вашей настойчивостью, милорды, – сказала она кротко и так беззащитно махнула ресницами, что герцог едва не расхохотался. – Должна вам сказать, я сирота... и граф Юджен Мидреску – мой единственный оставшийся в живых родственник. К сожалению, очень дальний... троюродный дядюшка, кажется, – девушка сделала красноречивую паузу, призванную пробудить в сердцах знатных милордов сострадание, но все упорно молчали.

И милорды, и их сердца.

– Сами понимаете, – печально вздохнув, продолжила она, – дядя был вовсе не в восторге, когда после окончания монастырской школы я переехала жить к нему. Он довольно скуп... и едва терпел моё присутствие. Однако недавно его отношение резко переменилось... он даже купил мне несколько новых платьев и тёплый плащ. Но, увы, вскоре стало ясно, что причиной его неожиданной доброты явилось далеко не сострадание к несчастной сиротке. Вовсе нет. Оказывается, ко мне посватался один из местных купцов, человек сколь богатый, столь и немолодой, к тому же славящийся жестоким нравом. За последние десять лет он похоронил трёх жён, причём все они были молодыми сиротами.

– Имя жениха, – кратко обронил Дорд.

– Сален Турхан, – ни на миг не замедлила с ответом Риселла, тем самым невольно выдавая свою подготовленность к этому разговору.

Или... вовсе не невольно?! Но в любом случае герцог намеревался досконально разобраться с этим загадочным делом.

– По факту смерти его последней жены два года назад проводилось расследование, – серьёзно сообщил Гизелиус, – но за недостаточностью улик дело было закрыто и признано, что женщина сама случайно оступилась и упала с моста.

– А никто не задумался, почему она пошла на этот самый мост в гололёд? Зачем ей вообще было гулять в том конце города? – Чувствовалось, что лазутчица хорошо осведомлена об обстоятельствах дела.

– Не будем сейчас копаться в старых грехах купца Салена, – решительно прервал уклонившийся в сторону спор Дорд. – Милорд желает знать, зачем вы пробрались ночью в ту спальню, которая первоначально предназначалась ему?!

– Я хотела... – Девушка снова кротко покраснела. – Оказать ему услугу. Нет, не подумайте ничего плохого, я случайно узнала про потайной ход и хотела предупредить его светлость о замыслах госпожи Жаннет.

– А вы не могли это сделать каким-нибудь менее экстравагантным способом? – едко обронил Эртрайт, слегка разочарованный таким признанием.

Да и какой молодой человек будет рад услышать, что довольно миловидная молодая особа пробралась среди ночи к нему в комнату по потайному ходу лишь затем, чтобы оградить от прихода других, не менее очаровательных девиц?!

– Ваша светлость! – теперь в печальном голосе лазутчицы звучал почти откровенный упрёк. – Подумайте сами, как бы ещё я могла это проделать? Если и Камильена, и её сестры, не говоря уже об их служанках и камеристках, неотрывно следили за нами с той самой минуты, как я случайно узнала о планах их матушки?!

– Во-первых, кто ваш сообщник, во-вторых, как вы узнали про планы госпожи Жаннет и, в-третьих, какой прок его светлости от вашего предупреждения, если вместо Камильены в его спальне обнаружат ВАС?! – едко усмехнулся Дорданд, с лёгким презрением глядя на изворотливую девицу.

– Ответу по порядку, – серьёзно кивнула она, сбрасывая очередную маску, – под словами «мы», я имела в виду себя и свою компаньонку, Милли. Она такая же сирота, как я, и мы воспитывались в одном монастыре, только у неё нет такого богатого и бессердечного дядюшки.

– Дальше! – прервал её выпад в сторону старого графа Эртрайт, мельком окинув взглядом сжавшуюся на банкетке девицу, принятую ими первоначально за служанку.

– Во-вторых, – сообщила Риселла с едва заметной усмешкой, тонко копируя Дорданда, – о замыслах своей матушки проговорила младшая из дочерей градоначальника, Жульена. Она попыталась привлечь нас в соучастницы, чтобы обойти в этом деле сестёр. А в-третьих, его светлости нечего бояться каких-либо притязаний на свою свободу с моей стороны, так как выходить за него замуж я никогда не собиралась.

– Это лишь слова. – Герцог недоверчиво качнул головой. – И доказать их честность вам вряд ли удастся.

– Она говорит правду, – уныло буркнул магистр, и Эртрайту не удалось скрыть своего изумления внезапным заступничеством Гизелиуса.

– Но ведь вы сами... – Дорд тоже смотрел на старика слегка настороженно, такие заявления были вовсе не в его обычае.

– Она действительно не приставала ко мне и благоразумно подождала, пока я оденусь и придам постели такой вид, словно на неё никто не ложился, – хмурясь, объяснил магистр. – Только после этого я позвал слуг и поднял шум. И я считаю, что девушка заслуживает той награды, которую она просит за свой поступок, ведь она сильно рисковала... своим честным именем, пускаясь в эту авантюру.

– Гизелиус! – с неудовольствием нахмурился Эртрайт, но Дорданд незаметно пихнул его под столом ногой, и кузен смолк, пытаясь сообразить, с чего это брат вдруг встал на сторону учителя.

А потом заметил, как переплетены тонкие, обожжённые снадобьями пальцы магистра, и тоже стиснул губы. Слишком часто приходится ему присутствовать при различных деловых встречах Дорда, чтобы он не знал об условных жестах, принятых между герцогом и магом. И конкретно этот, замаскированный под простое нервное движение жест красноречиво говорил, что сейчас лучше ничего больше не выяснять, оставив все вопросы на потом.

– И чего же она просит? – прервал краткую заминку секретарь, поднимая взгляд на кротко потупившую глазки лазутчицу и разглядывая её с новым интересом.

– Разрешения присоединиться к нашему обозу в путешествии до Дивноводска. Там она надеется найти себе знатных покровителей... или работу.

– И какая ей подошла бы работа? – Эта тема всегда живо интересовала Эртрайта, к явному неудовольствию его повелителя и кузена.

– Она имеет диплом травницы, – с некоторой мстительностью выдал магистр, – и вполне может претендовать на роль домашнего лекаря в не очень знатном семействе.

– Хорошо, – торопясь закончить с этим делом, слегка разочарованно буркнул лжегерцог, никогда не питавший особой страсти к занудному занятию изготовления зелий. – Принимая во внимание ходатайство Гизелиуса, разрешаем вашей карете примкнуть к нашему обозу.

Однако... дамы, вы должны понимать, что в глазах большинства обитателей этого городка, после того как вы отправитесь на барку в составе нашего обоза, ваша репутация... сильно пострадает.

– Мы готовы к такой жертве, – тихо, но твёрдо произнесла Риселла и снова мило покраснела, хотя могла и не стараться – после того как магистр объявил о её профессии, ни герцог ни его кузен больше не верили во внезапность таких проявлений скромности, – но у меня нет кареты.

– Позаимствуем временно у градоначальника, она ему все равно пока ни к чему, – безапелляционно решил Дорд и, заметив заинтересованный взгляд лазутчицы, мгновенно поправился: – Прикажете распорядиться, ваша светлость?

– Распорядись, Кайд, – милостиво кивнул Эртрайт, сообразив, что больше никаких объяснений от магистра они не получают, пока не окажутся вдали от слишком «ушастых» стен этого дома.

Дорд послушно склонил голову и взялся за колокольчик, исподтишка наблюдая за навязавшимися им попутчицами. И был сполна вознаграждён за свою предусмотрительность, заметив мимолётное многозначительное переглядывание девиц. И если до этого момента он собирался просто присматривать за пронырами, то теперь был твёрдо намерен самолично не спускать с них глаз и вдобавок приказать Монрату приставить к девицам самых ушлых и надёжных охранников.

Ранним утром, когда солнце ещё только чуть осветило край неба, вышедший на крыльцо Дорд сделал от лица герцога толпе провожающих небольшое, но веское заявление.

Им было сообщено, будто девица, проникшая ночью в спальню герцогского лекаря, совершила такой необдуманный поступок в приступе крайнего отчаяния. Испуганная твёрдым решением дядюшки выдать её замуж за престарелого вдовца со зловещей репутацией, девушка просто искала способ попросить защиты. И снизошедший к её просьбе герцог милостиво позволил сиротке добраться до ближайшего крупного города вместе со своим обозом.

Разумеется, в толпе немедленно замелькали кривые ухмылки и послышались многозначительные смешки, но некоторые из присутствующих предпочли задумчиво спрятать глаза, и это не осталось незамеченным внимательным секретарём. Он дал себе слово, что по прибытии в Дивноводск немедленно направит королю письмо с требованием командировать в Кархин ушлого тайного сыщика с заданием разузнать всё про чёрного вдовца. Однако это было всё, что Дорд мог, а самое главное – желал сделать для лазутчицы и её компаньонки.

За собственную репутацию, как и за репутацию спутников, Дорд несколько не переживал: то, что обычно ставится в вину девушкам, мужчинам напротив, придаёт интригующий ореол ловеласов и сердцеедов. Тем более самым «пострадавшим» должен считаться магистр, а он почему-то повёл себя с завидным равнодушием.

\* \* \*

– Ну, метр, рассказывай! – дождавшись, пока карета выберется за пределы города, нетерпеливо потребовал герцог, и Гизелиус обречённо вздохнул.

Зря он надеялся, что за два часа друзья позабудут про его странное поведение, ну, или хотя бы отложат эту процедуру на потом.

Не судьба.

– А чего вы, собственно, хотите услышать?! – хмуро пробурчал он, но никто из его спутников не проникся ни состраданием, ни благородством.

Наоборот, герцог поудобнее облокотился на подушки, а Эртрайт, раз десять повторивший за утро, что засыпает на ходу, вытянулся на переднем сиденье и подпёр голову рукой. При этом оба с уставились на Гизелиуса с очень заинтересованным видом, и у того не осталось ни малейшего сомнения – теперь, пока эти двое тщательно не перетрясут все его сокровенные тайны, вырваться из их лап ему не удастся.

– Вы оба ничего не знаете о моей личной жизни, – скорбно сказал магистр, окончательно убедившись, что влип, как гусь в пирог, – однако мой старый господин, герцог Агранат, был обо всём прекрасно осведомлён. Так вот, десять лет назад я сочетался законным браком с одной... очень своенравной особой.

– Не может быть! – Подпрыгнувший на диванчике Эртрайт совершенно забыл про всякий сон. – И ты скрывал это от своих друзей? Гизелиус, как ты мог?! А ещё учил меня честности!

– Я учил тебя честности в делах и соблюдению установленных правил при заключении магических обязательств. – Магистр оскорблённо поджал губы. – А если я не стал распространяться о своей личной жизни, так это потому, что её пока практически нет!

– Метр, будь добр, объясни нам, бестолковым, как это возможно, одновременно быть женатым и не иметь личной жизни?! – прищурился герцог и достал из настенного кармана мешочек с орехами.

– Мне тоже насыпь, – протянул ему пустой кубок Райт. – Рассказ обещает быть занимательным!

– Вот поэтому я вам и не рассказывал! – Магистр обиженно покосился на орехи. Ну прямо как дети на деревенских посиделках в ожидании жуткой сказки! – Хотя особо говорить и нечего. – Тут он уже вздохнул не понарошку. – Вы ведь знаете, что мы, маги, входим в особую организацию, в которой занимаемся только своими делами, не ввязываясь в различные политические разборки?

– Знаем, в ковен вы вступаете, когда получаете титул магистров. А вот насчёт истинности утверждения о «никогда и ни в какую политику» я бы поспорил, да доказательств маловато, – иронично усмехнулся Дорданд. – Но не будем отвлекаться от темы. Как я понял, ты ведёшь к тому, что твоя жена тоже маг?

– Да, – уныло подтвердил Гизелиус, – я знаю её давненько, и она всегда мне очень нравилась... но была замужем. Однако маги, хотя и имеют возможность возвращать себе молодость, зачастую живут даже меньше обычных людей. Увы, такая уж у нас опасная профессия. Когда Тренна овдовела, я был одним из первых, предложивших ей помощь... и союз... брачный, разумеется. Но она раздумывала ещё три года, пока не приняла моё предложение. Мы поженились десять лет назад, и целый месяц я был самым счастливейшим магистром в ковене. До тех пор, пока не встал вопрос, где мы соведем своё гнёздышко.

– Она не захотела ехать в Анрим?! – холодно приподнял бровь Дорданд.

– Категорически. У неё небольшая школа... при одном из монастырей, и она считала себя обязанной довести до выпуска принятых в обучение девиц. А я имел вполне определённые обязательства перед вашим отцом... и не желал сидеть в женском монастыре. Да мне там просто нечего делать...

– Всё ясно... она тебя бросила! – В голосе Эртрайта звучало осуждение в адрес незнакомой Тренны, так жестоко обошедшейся с его учителем.

– Или ты её?! – нахмурился Дорд.

– С чего вы это взяли? – возмутился Гизелиус. – Мы просто купили домик на нейтральной территории и проводили там вместе все свои выходные... и праздники.

– Так вот на какие секретные задания всё время отправлял тебя отец! – догадался герцог. – Но Гиз, почему ты ничего не сказал мне?! Неужели я бы не понял и не отпустил тебя к жене?!

– К тому времени... как с герцогом произошло несчастье, мне уже не нужны стали выходные... – Теперь лицо магистра было несчастным по-настоящему. – И до вчерашнего вечера... вернее, ночи, я не имел о жене никаких сведений.

– Она тебя всё-таки бросила! – возмущённо постановил Эртрайт. – Вот в этом вся суть женщин! Сначала обвиняют мужчин в непостоянстве, а при первом удобном случае бросают их сами!

– Нет... – виновато промямлил магистр, проклиная про себя Риселлу, из-за которой ему приходится терпеть допрос с пристрастием, – всё было не так... это я провинился.

– Ты... что?! Нет, Гиз, я не могу поверить... да ты же от женщин как от чумы шарахаешься... Как это получилось, будь добр, поясни. Возможно, просто произошло недоразумение?!

Герцог бросил в рот сразу несколько орешков и яростно заработал зубами: когда он нервничал, у него не хватало терпения сидеть ничего не делая. А уничтожение орехов – какое-то занятие.

– Нет... недоразумения не было. Она поймала меня с поличным, – с отчаяньем обречённого признался магистр.

– Но ты же маг! – Эртрайт, не раз видевший, на что способен учитель, в волнении даже сел на диване и всплеснул руками. – Неужели ты не поставил никаких охранок и никакой защиты?!

– В том-то и дело, что поставил! – едко хмыкнул Гизелиус, но его злость была направлена лишь на самого себя. – Но я-то поставил на внешний периметр, а она была внутри!

– Но как же ты мог не заметить собственную жену? Или у тебя такая огромная спальня?

– При чём тут моя спальня? Дело было в столице, когда я ездил в лавку за редкими травами. В харчевне я случайно познакомился с очень миленькой женщиной... – Магистр так тяжело вздохнул, что без слов стало понятно, как сильно он корит себя за неосторожность. – Она назвалась травницей... и проявила ко мне очень понятный интерес, а потом пригласила в свою спальню... посмотреть на одну траву...

– Ну, вы пришли, посмотрели на её траву, – нетерпеливо подтолкнул магистра к главному герцог, – а откуда в комнате взялась твоя жена?

– Так разве же я не сказал? – ошарашенно уставился на хозяина маг. – Это она и была, Тренна! Под чужой личиной... и не отопрешься теперь никак...

– Нет... вот этого ты не сказал... – Не менее потрясённо взирал на учителя Эртрайт. – Но какое коварство! Теперь я окончательно убедился в правоте Дорда – девушек нужно выбирать очень придирчиво... и устраивать им не менее хитроумные проверки, чем тебе твоя жена!

– Да, я тоже не сразу понял... о чём ты говоришь, – отложив мешок с орехами, хмуро признался герцог. – Но объясни, пожалуйста, ты же магистр, неужели вы не видите таких вещей, как наведённая личина?!

– Видим. Однако должен прояснить небольшой нюанс... видов личин бывает несколько... Такие сложные, какие я навёл на вас, очень трудно отследить: они подделаны под защитные контуры и требуют основательной работы и постоянной подпитки... Ещё бывают кратковременные личины для похода в общественные места: их могут делать почти все магистры, но и заметны они тоже всем нам, а бывают ежедневные лёгкие иллюзии, которые наводят маги низших уровней. Без такой иллюзии, как без шляпки, не выйдет из дома ни одна особа с более-менее стабильным достатком, и тем более магиня или травница. Про знатных дам я и не говорю, у них эта процедура обязательна сразу после утреннего умывания. Причём некоторые пользуются амулетами или иными магическими предметами, которые сразу настроены на нужную прелестницам коррекцию внешности и требуют лишь периодической подпитки.

– Подожди, Гиз! – подозрительно уставился на магистра герцог, и в его голосе прорвалось искреннее негодование. – Объясни-ка, а почему ты никогда не рассказывал нам этого раньше? Ведь если следовать логике, то, исходя из твоих объяснений, мы с Райтом



никогда не видели настоящих лиц всех тех дам и девиц, которые осаждают нас своими притязаниями?!

– Говори за себя, – мгновенно среагировал Райт, – я до вчерашнего вечера даже представления не имел, что это такое... настоящая дамская атака. И если честно, то ни одного лица не запомнил как следует... такие они все были... не подберу даже слова, миленькие, ухоженные, хорошенькие...

– Вот Райт и ответил на твой вопрос... частично, конечно. Кархинские прелестницы явно заказывают амулеты свежести – так скромно они называют ежедневную иллюзию – у одного мага, а он, как водится, имеет собственный идеал красоты. Потому и похожи девицы, носящие его поделки, друг на друга, как родственницы. А не рассказывал я вам про это, так как считал неважным. Ведь ни одного из вас пока не заинтересовала всерьёз ни одна из множества представленных вам прелестниц... настолько, чтобы захотелось не просто провести с ней несколько приятных часов в уединении. Так зачем вам знать, что у неё вовсе не идеальный цвет лица или кривые зубы? Если вы всё равно через день и имени её вспомнить не сможете? Так пусть останется в памяти только приятное.

– Похоже, нам нужно было предпринять эту поездку намного раньше... – обдумав слова магистра, хмуро постановил Дорд. – За один день я узнал столько нового, сколько иногда не узнаю и за полгода. Но давай вернёмся к твоей жене.

Магистр закатил глаза и демонстративно вздохнул. Он уже было обрадовался, как ловко сумел избежать дальнейших расспросов, уведя разговор в сторону от собственной персоны.

– О чём ещё можно говорить про мою жену?! С того дня мы не встречались... она закатила мне грандиозный скандал и заявила, что вряд ли сможет простить такую низкую измену – флиртовать не с какой-нибудь признанной красавицей, а с первой попавшейся под руку травницей!

– Ну, ты тоже хорош! – укоризненно покачал головой герцог. – Не мог найти кого-то поскромнее и понадёжнее для своих шашней... да у нас в Подгорье полно одиноких матрон, впрочем, кого я учу!

– Не так всё просто! – возразил Гизелиус, задетый за живое словами воспитанника. – Я потом кое-что сопоставил... Мы сильно поспорили перед этим случаем и не встречались почти месяц... Дело в том, что ей предложила работу одна из учениц в столице соседней страны. И Тренна начала настаивать на моем уходе из Анрима. Я отказался... и, в свою очередь, стал уговаривать её переехать в замок. Она не согласилась, и мы поскадали. После я узнал: она всё-таки приняла предложение ученицы. А поскольку новая работа была много дальше от нашего дома, Тренна перестала приезжать на свидания, но каждый раз присылала письма... в которых продолжала меня убеждать в своей правоте. И в одном из писем написала: если бы я её любил и не имел других женщин, то давно бы согласился. Я ответил очень резко, что она зря судит всех мужчин по одной мерке... а уже через неделю влип в её ловушку.

Магистр хрустнул от досады пальцами, глотнул из маленькой бутылочки какой-то отвар и глухо продолжил рассказ, хотя никто из спутников уже ни на чём не настаивал.

– После того как она хлопнула мне по щекам, а потом и дверьми, я догадался проверить остатки вина... всего несколько капель на дне бокала, но мне хватило... В вино было добавлено мощное возбуждающее любовное зелье, заглушённое более пахучим, но безобидным настоем лимонника – это и притупило мою бдительность. Потом я писал ей письма... на адрес нашего дома, их регулярно забирали какие-то люди, и это дало мне

основания надеяться, что когда-нибудь она сменит гнев на милость. Поэтому я и не наказал вчера вылезшую из шкафа Риселлу... первым словом, которое она сказала, было имя моей жены.

– И что же она сказала? – Дорд насторожился, как собака, взявшая след.

– Тренна просила передать вам письмо... – тоненьким голоском промекал магистр, изображая так ошеломившее его ночью появление лазутчицы.

– А было? – Райт даже дыхание затаил.

– ЧТО?! – возмущённо вытаращил глаза магистр. – Ты что это имеешь в виду?!

– Ну, письмо, разумеется, – примирительно произнёс герцог, – а ты о чём подумал? И вообще, Гиз, чем больше я вникаю в историю твоей женитьбы, тем сильнее тебя не узнаю. Ты у нас всегда такой предусмотрительный, находчивый и осторожный, но едва дело касается твоей супруги, как начинаешь суетиться, нервничать и совершать ошибки. Может... это какое-нибудь заклинание?

– Какое там заклинание! – оскорбился Гизелиус. – Просто она такая... необыкновенная женщина... вот вы хихикаете, а ей, между прочим, когда Сарджабиз погиб, сразу четверо магов предложение сделали!

– Это она сама тебе сказала? – состроил невинное лицо Эртрайт.

– Глупый ты ещё и за это получаешь незачёт по истории магии, – мстительно объявил Гизелиус, – ведь если бы хорошо учил, то знал, когда маг делает своей избраннице серьёзное предложение, на её правой руке появляется особый браслет... в виде туманного пояса. Какой магией сильнее всего владеет жених, такого цвета и браслет! Так вот, у Тренны было два синих, один красный и один зелёный.

– И что это означает? – поглядывая на огорчённо притихшего Эртрайта, осторожно поинтересовался Дорд.

– Вот про это пусть тебе кузен расскажет, он эту тему мне ещё летом сдал. А если плохо учил, то на водах я выдам ему фолиант, пусть освежит знания.

– Вообще-то это не столь важно, – поглядев в умоляющие глаза брата, тяжело вздохнул Дорд и решил на досуге самолично полистать толстые фолианты по магии, везде путешествующие вместе с магистром в тяжеленном сундучке. – Скажи лучше про письмо, оно действительно было от твоей жены? И если можно... то разреши взглянуть на те строки, которые относятся к Риселле.

– Увы. Магические письма рассыпаются сразу после прочтения адресатом. Именно поэтому я и настаиваю, чтобы Райт тренировал память. А написано было буквально следующее: «Если ты ещё питаешь ко мне былые чувства, выполни просьбу этой девушки, тем самым ты поможешь ей избежать ужасной участи». Разумеется, я сначала расспросил Риселлу, а потом принял решение. Во всех случаях у меня не было иного выхода.

– Что-то мне подсказывает, что тебя поставили в такое положение, когда просто нет иного выхода, – задумчиво пробурчал герцог. – Впрочем, и всех нас тоже. Но мне кажется, карета уже едет по доскам пристани... слышите постукивание копыт?

– Да, точно, – выглянув в окно, подтвердил Эртрайт. – А солнце только показалось на горизонте. Капитан вряд ли ожидает нас так рано.

– Не переживайте, ваша светлость, – насмешливо ухмыльнулся Дорданд. – Я ещё час назад послал нарочного с сообщением. Хороший секретарь должен предугадывать каждое желание своего господина. А договорим позже... мне нужно кое-что проверить. Не забудьте, ваша светлость, теперь вы занимаете самую большую каюту.

Барка-тохана в бледном свете туманного осеннего утра казалась небольшим бесформенным островком, населенным странными существами. Чьи-то постиранные штаны мокрокрылой птицей повисли на протянутой вдоль кормы верёвке, из высокой трубы струился горьковатый дымок, повсюду теснились крепко привязанные к специальным скобам бочки, ящики и тюки. Для желающих добраться до лесенки, ведущей на верхнюю палубу, оставался только узкий проход вдоль борта – капитан не собирался терять ни единого медяка прибыли.

Простым пассажирам вообще нечего тут ходить, а для богатых вполне достаточно места и наверху. Капитаны таких наполовину грузовых, наполовину пассажирских судов искренне считали, что те путники, которые победнее, вполне обойдутся несколько дней без прогулок. А в этот раз пассажиры и сами не горели желанием бродить под дождём, который упорно догонял тохану от самого Залесья.

Райт важно шествовал следом за матросом, показывающим дорогу к каютам, следом протискивались мимо бочек магистр и секретарь, затем тащили свои сундучки камердинер и повара, и только после них скромно шли примкнувшие к обозу девицы.

Дорданд вообще с удовольствием купил бы им каюты на нижней палубе, предназначенные для мелких торговцев, слуг и мастеровых людей. Самые бедные пассажиры путешествовали в трюме. Однако поскольку тохана была плоскодонным судном, то даже в самых дешёвых, многоместных каютах, расположенных вдоль бортов, были прорезаны под потолком небольшие окошки, позволявшие дышать свежим воздухом.

Но оказалось, что дешёвых свободных мест нет, даже повару и лакеям пришлось покупать каюты на верхней палубе. Впрочем, герцог никогда не жалел денег для удобства преданных слуг, лишь навязанных Тренной спутниц желал бы поселить подальше. И был весьма раздосадован, получив с нарочным ответ капитана, где тот рассыпался в многословных извинениях и сообщал об отсутствии дешёвых кают. Вот если бы он мог знать заранее, писал капитан, что герцогу понадобится больше мест, чем было заказано, то непременно отказал бы простым торговцам.

Дорд только едко усмехнулся, прочтя это послание: дядя просчитал все варианты, но предусмотреть интригу таинственной жены магистра не сумел даже он.

Каюты первого, высшего класса располагались посреди верхней палубы и имели общую среднюю стенку, а двери и окна выходили на разные стороны, в огороженные перилами проходы вдоль бортов. Кроме них впереди имелась небольшая прогулочная площадка – единственное свободное от ящиков место на всей тохане. И именно на эту площадку выходили двери двух самых больших и удобных кают для знатных особ.

– Пусть лорд секретарь займёт вторую каюту, – предусмотрительно подмигнув Райту, деловито распорядился Гизелиус, снова ставший таким, каким его привыкли видеть друзья, – а я размещусь в боковой, соседней с его светлостью. С другой стороны напротив меня будет жить Монрат.

Райт не понял, зачем нужны такие премудрости – плыть до Дивноводска всего несколько дней, – но смолчал, важно кивая в знак согласия головой. Пусть делают, как хотят, лишь бы позволили ему быстрее добраться до постели.

Зато Дорданд всё прекрасно понял. Получалось, что лжегерцог был защищён с двух

сторон магистром и им самим, а его, в свою очередь, защищали Райт и Монрат.

Все остальные каюты были двухместные, помещение рядом с магом заняли повар с помощником, а следующую каюту по тому же борту выделили незванным попутчицам. В остальные свободные каюты заселили лакеев и охранников, а кучеру и остальным слугам достались места во втором классе.

Девушки, однако, ни взглядом, ни жестом не выказали своего неудовольствия, послушно отправились в указанное им помещение и сразу же заперли за собой дверь.

– Ох, – обессиленно пробормотала Милли, рухнув на один из широких диванов, стоящих в передней, более просторной части помещения, – наконец-то можно отдохнуть. Я думала, что упаду и усну прямо посреди палубы. А почему ты не разрешала разговаривать в карете?

– Тренна предупредила, что её муж очень бдительный и осторожный человек и сильный менталист. В карете вполне мог быть припрятан его амулет... причём никогда нельзя знать, какую именно вещь он зачарует следящим заклятьем.

– Вот как?! Значит, я плохой физиономист, мне он показался очень преданным и рассудительным мужчиной.

– А вот это в самую точку... он даже отказался оставить своего герцога и поселиться вместе с Тренной... когда она переехала в Дензир.

– Даже? А я и не знала! Надо же, мне казалось, не существует такого одинокого мужчины старше сорока пяти, который смог бы ей в чём-то отказать.

– Как видишь, существует, причём её собственный муж. – Риселла расправила свою постель и заглянула в маленькое заднее помещение. – Радуйся, нам вообще повезло, тут даже умывальня имеется. Я больше всего боялась, что его светлость поселит нас в третьем классе – там все удобства общие.

– Нет... мне он не показался настолько жестоким. Зато секретарь – просто зверь. И откуда он только такого взял... причём перед самым выездом.

– Возможно, привез из столицы, от дяди. А вот мне намного интереснее, почему он рассорился с любимым кузеном?! Ведь не расставался с ним последние лет семнадцать, если я правильно помню.

– Может... слухи не лгали? Слишком это похоже на ссору влюблённых. Наверное, Райт приревновал герцога к новому... другу?! Как ты думаешь?

– Думаю, мне нужно заняться вплотную этим секретарём, – решительно заявила Риселла, закончив распаковывать тощий саквояж. – Я пойду умываться первая или ты?

– Иди ты, я ещё постель не постелила... – уступила Милли и нехотя поднялась с дивана. – А секретарём придётся заняться мне, о тебе у него уже сложилось скверное мнение. Только сильнее насторожишь.

Через полчаса, вывесив табличку с просьбой не беспокоить, обе девушки сладко спали, не замечая тихого покачивания отчалившей от причала тоханы.

\* \* \*

Спал и Эртрайт, наотрез отказавшийся от предложенного капитаном утреннего взвара. Только магистр с герцогом сидели за столиком в гостиной Дорда – каюты для самых знатных гостей состояли из двух комнат каждая. Угловое помещение было гостиной, предоставляющей возможность любоваться из окон видами берега и речного простора

впереди судна. А меньшая комнатка, в которой стояла широкая кровать и находилась дверца в умывальню, имела только одно окно, смотрящее вперёд.

– Ты уверен, что они не смогут подойти незаметно? – поглядывая на приоткрытое окно, вполголоса поинтересовался Дорданд и отпил пару глотков бодрящего отвара.

Он по своей натуре относился к людям, не понимающим, как можно лечь спать днём или вот таким замечательным утром, когда солнце спозаранку решило возместить людям всё недополученное в последние дождливые дни тепло. А вот магистр, хотя и жил по собственному графику и мог спать или бодрствовать в любое время, в зависимости от обстановки, был ещё слишком взбудоражен внезапным посланием жены. И теперь пытался угадать, что за интригу она затеяла в этот раз и чем ему грозит вмешательство в планы Тренны.

А что вмешиваться придётся, Гизелиус почти не сомневался: ночью, во время допроса, он попробовал очень осторожно заглянуть в мысли компаньонки Риселлы и потерпел поражение. В мысли самой Риселлы он попытался влезть сразу, как обнаружил её в своей спальне, и тоже безрезультатно. Именно тогда магистр и поверил, что девушек прислала Тренна – никто другой не стал бы тратить магические силы и амулеты на такую сложную защиту.

И вот это настораживало мага больше всего. Ну какие особые секреты могут храниться в хорошеньких головках двух небогатых сироток, чтобы для их защиты потребовались амулеты или заклинания менталиста стоимостью с небольшой домик в Кархине?

Однако рассказывать этого Дорданду магистр пока не собирался, иначе тот вполне может решить вернуться назад, в Анрим. Или, ещё хуже, прикажет высадить девиц в первом же рыбацком посёлке, к которым такие большие суда обычно даже близко не подходят. И тогда Гизелиус может навсегда расстаться с надеждой снова заполучить в свои объятья любимую женщину. А такой поворот событий его не устраивал совершенно, стало быть, придётся употребить все свои магические и дипломатические таланты, чтобы защитить друзей и не навредить собственным интересам.

– Я поставил на проходы ловушки и сторожки: с какой бы стороны они ни вздумали подойти, мне будет об этом известно сразу же.

– Это хорошо, а ты уверен, что эта Риселла не маг?

– Уверен. Хотя способности у неё есть. Ну так они и положены всем травницам. Вернее, никто не даст диплом травника, если у соискателя нет магического дара. И кстати... не хотел говорить при Эртрайте... я ведь выяснил, какое зелье они подсыпали в рулетики и салат. Тиарению каплевидную.

– Никогда не слышал от тебя такого названия... видимо, редкая трава. Ну и какой же в ней яд? – Милорд весь напрягся в ожидании ответа.

– Никакого, – ехидно ухмыльнувшись, ответил магистр. – Хотя трава действительно редкая... и продаётся только тайно. Её применение строго запрещено без решения консилиума из трёх магистров.

– Ничего себе... никогда даже не подозревал о таких строгостях... – присвистнул Дорд. – Ну и чего же ты замолчал, Гиз? Зачем Риселла подсыпала её в рулетики?

– Чтобы максимально обезопасить себя... на тот момент, когда окажется в спальне герцога... она же не могла предположить нашего обмена комнатами, – с еле заметным восхищением сообщил Гизелиус. – Тиарения на некоторое время гарантированно отнимает у мужчин возможность... предаваться любовным утехам.

Это сообщение повергло герцога сначала в шок, затем в глубокую задумчивость, а закончилось все вспышкой невероятной досады. Девушка действительно была очень хитра и предусмотрительна, и в любом случае, как бы ни повернулись ночные события, у неё были преимущества перед тем, к кому она вошла в спальню. А поскольку изначально она лезла именно к нему, то и отвечать на оскорбление тоже будет он. Вот только прояснит сначала один нюанс.

— Гиз, ты считаешь, будто Риселла придумала всё это сама? — Магистр даже поёжился под пронзительным взглядом воспитанника.

Как он все-таки напоминает отца, и чем дальше, тем больше. Нельзя сказать, что это плохо... вот только общаться с ним с каждым годом будет всё сложнее. Но это удел всех проницательных и мудрых людей: чем дольше они живут, тем меньше возле них крутится праздного народа. Серым и ограниченным личностям вовсе не нравится, когда каждая их хитрость и интрижка разгадывается буквально на лету.

— Нет, не считаю, — наконец хмуро признался Гизелиус, — а точно знаю, за всем этим стоит Тренна. И я почему-то уверен, что мы с ней скоро встретимся... во всяком случае, я очень постараюсь этому поспособствовать. Уж очень мне хочется узнать, в какие это игры она играет? А сейчас я пойду, подремлю до обеда и немного обдумаю возможные причины такого поступка.

— Иди, подумай, — согласился Дорд, — а мне дай какую-нибудь познавательную книгу по магии. Хочу полистать, возможно, найду что-нибудь интересное для себя.

Часа два герцог честно листал фолиант, изредка коротко зевая: почти бессонная ночь давала о себе знать. Затем не выдержал, бросил книгу на прикроватную тумбочку, накинул на плечи камзол и вышел из каюты.

Начавшийся день встретил герцога ярким солнцем, поблескивающей под его лучами гладью реки и голубым, прохладным даже на вид небом. Однако в лицо дул довольно свежий ветерок, и Дорду пришлось застегнуть камзол на все пуговицы – осеннее солнце так обманчиво. Он вглядывался в медленно ползущую навстречу даль, с сожалением думая, что время, потраченное на это путешествие, можно считать потерянным, вряд ли удастся заняться чем-то полезным в той обстановке, какая их ожидает. Дорданд и раньше никогда не любил охоту, а теперь, когда дичью был он сам, просто ненавидел. Однако ничего не мог изменить – слово, данное дядюшке, висело на нем чугунными кандалами.

– Простите... – мелодичный голосок, прозвучавший неподалёку, заставил герцога напрячься как перед боем, – можно задать вам один вопрос?

– Задавайте, – медленно повернувшись к девушке всем телом, холодно разрешил Дорд, с откровенным интересом разглядывая нахалку.

– Не могу ли я поговорить с метром Гизелиусом? – Она слегка поёживалась от порывов свежего ветерка, раздувающего поношенный и немодный серый плащ, но не делала ни малейшей попытки завернуться поплотнее.

– Не можете, – с лёгким превосходством сообщил Дорд и смолк, ожидая следующего вопроса.

Насколько он знал таких девиц, слова про один вопрос были только предлогом, чтобы завязать длинную и практически бессмысленную болтовню. И хотя Дорд желал бы попробовать кое-что выведать у этой хитруньи, попадаться на её уловку он вовсе не собирался.

– Спасибо, – печально кивнула девушка, тихо развернулась и направилась в сторону своей каюты, всем своим видом давая понять, что ничего другого она от сурового секретаря и не ожидала.

Дорд уже с откровенной насмешкой смотрел ей вслед, ожидая следующего хода в каверзной игре, но она так и не обернулась.

– Чего она хотела? – Магистр появился минут через пять после того, как наглая попутчица скрылась за дверью своей каюты.

– Поговорить с тобой. Но очень не советую бежать за ней следом, это будет означать, что её приход нас заинтересовал.

– Только что хотел сказать тебе то же самое, – одобрительно проворчал магистр. – И ещё меня интересует важный вопрос... собираешься ли ты приглашать их на обед?

– Нет, – категорично отрезал герцог, – мне вовсе не нужны лишние сплетни. Не забывай, что на этих «смотринах» наш «герцог» должен выбрать невесту, и мне совершенно не хочется потом искать для неё оправдания его легкомысленному поведению. Сам понимаешь, за несколько дней путешествия может случиться многое... и потому лучше заранее поостеречься.

[Купить полную версию книги](#)